СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
Анна Байрашна
18+
Наказаны
ЛЮБОВЬЮ

Анна Байрашная

Наказаны любовью

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Байрашная А. С.

Наказаны любовью / А. С. Байрашная — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2782-1

Главы двух враждующих кланов на юго-востоке Турции решают остановить многолетнее кровопролитие свадьбой своих детей. После свадьбы девушка решается сбежать за границу, не понимая, что ни к чему хорошему это не приведёт.Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2782-1

© Байрашная А. С., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Сегодня уже можно сказать о том, что я уехала из родной страны. Прожила в Мексике два года. Мой сыночек Демир — красивый и умный, как его отец. Его папа хороший человек, но он полюбил другую женщину задолго до того как женился на мне. Я думаю, что обязана вам рассказать о том, почему это все со мной произошло.

Три года назад моя жизнь была ничем не омраченной и весе— лой. На тот момент я заканчивала медицинский институт в Ване. Училась на педиатра, так как очень сильно любила детей. Тог— да мне казалось, что жизнь будет всегда такой радужной. Но на каждое счастье идет свое горе. К сожалению, нашу жизнь омрачала долгая десятилетняя кровная вражда между двумя кланами.

2011 год. Осень. Турция. Ван.

Мой отец, Мехмет Сорал, глава нащего клана, был очень суров. Неподчинение или оскорбление в его адрес приравнива— лось к смерти. Последние дни он все время ходил сам не свой, задумчивый. Но сегодня ночью он уехал на своем черном вне— дорожнике. Все женщины нашего дома были счастливыми. Бук— вально все говорили: «Конец кровной вражде. Наконец—то мы перестанем захлебываться кровью своих сыновей». Только моя мама сидела около окна и тихонечко плакала. Я подошла к ней, прижалась к ее плечу и спросила:

– Мамочка, почему ты плачешь? Ведь женщины говорят о том, что кровная закончится. Ты от радости плачешь?

Помню, мама на меня взглянула, нежно приложила свою теплую ладонь к моей щеке и очень грустно сказала:

– Милая моя Бихтер, если бы я могла этому радоваться, как все остальные. Если бы ты знала, какую цену запросили УстЮ— ны. Цена окончания вражды, которую начал твой дед, твоя рука. Твой отец поехал договариваться о твоей свадьбе со старшим сыном Усттонов, Кималем.

Конечно, мне сразу в это не поверилось. Я даже засмеялась, потому что подумала, что это шутка, но, взглянув в материнские глаза, поняла, что это действительно так. Я стала кричать, что это не может быть правдой. Отец не может так поступить со мной, так как я его единственная дочь из четырех детей. Мама взгля— нула на меня, медленно поднялась и подошла ко мне. Она пе— чальным голосом промолвила:

– Бихтер, я прошу тебя, не кричи. Ты обязана выйти замуж

за Кималя. Твой дедушка…

– Знаю, знаю! Мой дедушка убил десять лет назад сына главы Устюнов! Он начал эту кровную вражду! Но почему именно я должна расплачиваться за его грехи? Мама, в чем я—то виновата? Ведь все знают, что это грех твоего отца, разве не так, мама?

Конечно, мои слова ее сильно ранили. Возможно, именно поэтому она мне тогда и сказала те странные слова, смотря прямо в мои глаза:

– Ты можешь возражать, это твое право, и его никто не отнимает, но спорить с обычаями никогда нельзя!

Потом она схватила меня за руку, потащила против моей воли в спальню и швырнула на кровать, словно собаку. Я пла—кала, умоляя ее не делать этого, но она меня не слышала, а воз—можно, просто и не хотела слышать. Ее слова звучали как удары колокола.

– Ты дочь Мехмета Сорала, главы клана Соралов. Ты в пер—вую очередь должна почитать наши обычаи и жить согласно им, хоть за окном и двадцать первый век. Так, значит, и живи со—гласно им! Тебе ясно?

Вытирая слезы, я кивнула головой, угукнула и уткнулась носом в подушку, закрыв глаза, а мама с грохотом и злобой захлопнула за собой дверь из красного дерева. Я рыдала и не верила в это, так и уснула с огромной тяжестью в душе. Я пони—мала, что если выйду замуж, то могу сразу забыть про учебу. Согласно обычаям, я должна буду сидеть дома и заниматься детьми и домашними делами. Мой отец приехал в особняк Устюнов для того, чтобы договориться по обоюдному согла—сию о моей свадьбе. Его приняли как положено для рода Устю—нов, усадили за свой стол и принесли выкуп за невесту – всего тысячу золотых монет. Такая вот сделка. Цена за мир: с одной стороны – моя жизнь, мое будущее, с другой стороны – такая жалкая и ничтожная сумма денег. И это был результат дого—воренности, чтобы не лилась рекой кровь, чтобы все наконец—то закончилось, но кто мог подумать, что от этого станет еще хуже!

Глава клана Устюнов Охмет позвал своего сына Кималя. Парень с самого утра ходил веселый, ведь он женится на той, в которую был влюблен. Брюнет с темными глазами и краси—вым орлиным носом, Кималь всегда ходил в черном смокинге и белой рубашке. Но за этой привлекательной внешностью скры—вались грязь, грубость, жестокость человека, замешанного в мерз—

ких делах. Руки этого красавца были залиты кровью так силь— но, что отмыть их было уже невозможно. На его счету были жизни сотен тысяч невинных душ, смерть всех тех, кто употреб— лял героин, который изготавливали и транспортировали наши кланы. Одним словом, заключение нашего брачного союза означало не только конец кровной вражде, но и новое партнер— ство по продаже и реализации порошка (героина).

Этой вестью также была недовольна жена покойного Ор— хана Устюна, госпожа Фереде. Женщина после смерти своего мужа стала узницей злополучного дворца Устюнов: по обы— чаю вдова со своими детьми должна оставаться жить в семье покойного отца своих детей, не может вернуться в родительс— кий дом и должна заниматься только домашними делами. Фе— реде не знала, где ей искать защиты. Увидев Вурала, она подо— шла к нему и попросила:

– Вурал, постой! Я прошу тебя, помешай этой свадьбе! Ведь вы берете девушку из семьи, погубившей моего мужа! Ведь он твой родной брат! Он отец твоей племянницы!

Конечно, на тот момент у Вурала сердце кровью обливалось, но он был не в силах противостоять обычаям и сказал как—то колко, положив свою грубую ладонь ей на плечо:

– Фереде, ты мне как сестра. Но если бы я только мог помешать этой свадьбе, я бы это сделал. Если бы мог… Да ты и сама знаешь, что кровная вражда – это страшно.

Эти слова подействовали на нее как разряд электрического тока, она сорвала его руку со своего плеча и произнесла горест— но:

– Значит, и ты подчинился? Всем, я вижу, наплевать на то, что я чувствую! Наплевать! Лишь бы закончилась кровная вражда, а как – неважно!

Ее тоже можно было понять. Она рано потеряла мужа. Возне— навидела всю нашу семью. Теперь этой несчастной женщине придется смириться с тем, что внучка убийцы ее мужа будет жить с ней под одной крышей. Фереде, горестно взглянув в глаза Вурала, лишь вытерла слезы и ушла на второй этаж. Молодой человек с болью проводил ее взглядом, а потом промолвил:

– Если бы я только знал, что эта свадьба принесет нам столько горя… Если бы я только мог предвидеть! Ни за что бы не согласился с этим браком!

К превеликому сожалению, нашей свадьбе ни один из до—

мочадцев не смог помещать, в том числе и Вурал. Его слово почти не имело никакого значения в этом доме. Он был лишь сыном господина Охмета и так же, как и все остальные, не имел права голоса.

Опечаленная Фереде зашла в комнату, где сладко спала Яс— мин, маленькая девочка с золотистыми волосами и голубыми глазами. Эта девочка и была дочерью Орхана Устюна, умершего от руки моего деда Неджати Сахбасса, маминого отца. Мне лишь известно, что мой дед влюбился в жену Орхана, Фереде. Любовь и ревность затмили его глаза, и в массовой драке дед застрелил Орхана. Фереде тогда была беременна. От перенесенного стресса молодая женщина могла потерять ребенка. Но Аллах посчитал правильным сохранить ребенку жизнь, тем самым восполнить Фереде потерю мужа, ведь маленькая девочка будет так похожа на Орхана, ведь Ясмин будет его родной частичкой, в которой течет его кровь, будут его гены. Женщина подошла к кровати и прилегла рядом с дочерью. Она нежно поцеловала ее в лобик, ласково улыбнулась и тихонечко заплакала, лаская маленькие ручки крошки.

В гостиной мой отец уже договорился насчет моего сватов— ства и свадьбы. В этот момент моя душа почувствовала, как папа пожал руку дяде Охмету. У меня словно что—то кольнуло в груди в тот момент, и я открыла глаза.

– Господи! – шептала я.– За что мне все это? За какой грех? Я не смогу жить без любви! Не смогу! О Аллах, что же мне делать? – зарыдала я, не сдерживаясь от печали, и наволоч— ка промокла от моих соленых слез.

Именно в тот день из Марокко прилетела женщина, которая изменит мою жизнь. Ее звали Асу. Это очень красивая девушка, невысокого росточка, с нежной светлой кожей, черными воло— сами и синими, как море, глазами. Пухлые нежные губы напо— минали спелую пряную вишню на лучистом летнем солнце, великолепная шея чуть заметно выглядывала из—под газового шарфа. После посадки самолета Асу вышла из здания аэропорта, с трудом перемещая свой чемодан, заполненный подарками. Девушка увидела проезжающее мимо такси и остановила его. Всю дорогу таксист не сводил с нее глаз, но потом все же осмелился спросить:

– Простите, если не секрет, вы прилетели домой или в гости?

От заданного вопроса девушка заулыбалась и приветливо ответила:

– Домой. А что?

Мужчина вновь взглянул в зеркало салона и, столкнувшись взглядом с девушкой, ответил:

– Да так, просто… Стало интересно, к кому прилетела такая симпатичная девушка, вот и все.

Асу опустила свои бездонные глаза, покопавшись в сумке, достала мобильный телефон. Найдя номер подруги Назан, нажала на кнопку вызова, и через три секунды абонент ответил.

– Асу, ты вылетела? Когда будет самолет, уже известно? Дорогая, я волнуюсь, все же лететь из другой страны!

Асу лишь засмеялась и потом ответила:

– Нет, дорогая, не угадала… Я уже еду к тебе домой!

Услышав эти слова, Назан не знала, что и ответить, но потом, прослезившись, сказала:

– Асу, ты не представляешь, как я рада! Наконец—то ты прилетела! Ой, чуть не забыла, Мохамед с тобой?

Вопрос о сыне моментально расстроил девушку, ведь она впервые рассталась со своим малышом. Это сразу же стало заметно по ее голосу.

– Нет, он в Марокко, остался до конца моего отпуска.

– Как жаль… Видно сразу, ты уже скучаешь по нему. Голос выдает твои переживания.

– Да, ты права, подруга. Уже скучаю с того момента, как поцеловала его в лобик на прощание. Если бы он поехал со мной, возможно, у нас возникла бы неприятная ситуация. Да ты и сама знаешь. Ну ладно, милая, жди, я скоро буду.

Водитель такси вновь взглянул на девушку и решил еще раз спросить ее:

– Возможно, я вам покажусь надоедливым, но мне очень интересно, как вас зовут? Меня зовут Керим, а вас?

Окутывая его своим взглядом и нежным голосом, девушка ответила с великолепной улыбкой:

– Асу.

Услышав это имя из сладострастных уст, молодой человек стал пленником ее голоса и бездонных глаз неземной красоты, а ее имя навсегда осталось в его сердце. Восхищаясь ее красотой, молодой человек продолжил беседу:

– У вас очень красивое имя. Асу, я пленник вашего имени, госпожа Асу.

– Спасибо, Керим. Ну, вот мы и приехали,– нежно прошеп— тала девушка. Выйдя из такси, парнишка достал огромный че— модан, вновь взглянул в ее бездонные глаза и подумал про себя: «Может, мне стоит попросить у нее номер телефона? Нет… Не нужно, запомню только адрес, и все». Забрав багаж, девушка посмотрела на парня и поблагодарила его:

– Спасибо вам большое, Керим.

– Не за что. Подвозить вас мне было очень приятно.

Девушка еще раз посмотрела на него и зашла во двор не— большого двухэтажного строения. Подойдя к двери, Асу ти— хонько вошла в дом и осталась незамеченной. Увидев Назан, она подкралась к ней и закрыла ей глаза ладонями. От неожидан— ности Назан прокричала:

– Мой Аллах! Асу, неужели это ты?

Взрослая баловница, засмеявшись, промолвила:

– Конечно же, это я! Кто же может быть еще? Ты что, думала, что я больше не приеду?

Назан крепко обняла свою подругу и радостно прощебетала:

– Моя милая… Конечно, я по тебе соскучилась. Асу, если говорить честно, то я думала, что ты не приедешь. Решишь ос— таться там, в Марокко.

– А почему ты так решила?

– Давай садись, я сейчас принесу чай, и мы поговорим. Хо— рошо?

– Назан, ты не ответила мне! Почему ты так решила? Из—за того, что здесь, в Ване, проживает один мерзавец по имени Явуз? Да? – разгневанно вскричала Асу, смотря на подругу. Назан стыдливо опустила свои глаза и дрожащим голосом ответила:

– Асу, я не это имела в виду. Но если быть честной, я иногда

думаю об этом.

– Что!!! – прокричала девушка.

– Пойми меня правильно, Асу! Явуз… Явуз долгое время искал тебя! Иногда приходил ко мне! Потом он стал чуть ли не спать у моего порога. Сама посуди, что я могла подумать? Первое, что мне пришло в голову, это то, что ты его боишься! – опечаленно ответила Назан с ноткой горечи и раскаяния в голосе.

От услышанного Асу разшевалась и воспламеняющим взглядом посмотрела на подругу. Она прогрохотала, словно раскат грома:

– Как ты могла такое подумать? Разве я могу его бояться? Ведь я ненавижу его больше всех на свете! Ненавижу, понимаешь, ненавижу! – горячо отвечала девушка.

Моя жизнь круто поменялась в день сватовства. Этот день и без того был ужасным не только в моей жизни, но и в природе. Мое помрачневшее лицо не могло испортить праздник людям, их веселье затмевало мою печаль. Я всего лишь смотрела в окно, а там шел сильнейший ливень. Природа плакала, как и я от отчаяния и безысходности. Я сидела, устремив свой взгляд в даль плачущего сада. Но тут закричали женщины:

– Невеста то ли от горя плачет, то ли от радости,– но это были просто слова. Всем, кто здесь находился, было наплевать на мои чувства, в особенности моему отцу. Он лишь извинился перед гостями и подошел ко мне. Схватил жестоко меня за руку, повел за собой, словно на казнь. Если честно, мне не было больно, как раньше. Я просто пошла вместе с ним, в надежде, что он убьет меня и все закончится скорей. Но я ошиблась, и от этого становилось еще хуже. Этот человек, который называл меня своей дочерью, завел меня в мою спальню и стал сильно кричать:

– Дочь моя… Ты же знаешь, что я воспитал тебя как сына. Ты должна понимать то, что твой брак только укрепит наше партнерство! Бихтер, ты понимаешь, о чем я говорю?

В эти секунды с моих мертвых глаз текли слезы печали и безысходности. Мою гордость топтали, безжалостно выколачивали из меня все, оставляя лишь пустой сосуд, без чувств и эмоций. Во мне была та самая обида на отца, которая сделала меня еще более слабой и уязвимой в его глазах. Мой разбитый внешний вид еще больше злил его, отчего глаза у него наливались яростью. Я, как сейчас, помню эти бешеные глаза и выражение лица.

– Все, перестань реветь! Мразь!

Эти слова до сих пор рвут мою душу в клочья. Помню, как я не выдержала и закричала на отца:

– Все, с меня довольно! Зачем? За что ты так со мной жестоко поступаешь? Клянусь Аллахом, я не выйду замуж за Кималя и ни за кого другого, даже если мне придется умереть! Тебе ясно?

Этот мужчина смотрел на меня с яростью, а потом зверски ударил меня, отчего я упала на пол. Моя щека болела и горела одновременно, а в глазах потемнело. Потом это ничтожество подошло ко мне, схватив меня безжалостно за руки, он резко поднял меня и прорычал, как шакал:

– Ты не умрешь и не посмеешь убить себя, ты принадлежишь своему жениху!

Этими словами он сделал мне еще больнее. Ведь этот человек был для меня самым лучшим человеком когда—то. В моем далеком детстве. Он был моим отцом, а не седьмой водой на киселе, от этого становилось еще больнее. Как он мог говорить такое и тем более так поступать со мной? Он продолжал кричать:

– Все, хватит! Кто тебя вообще спрашивает? Иди в гостиную, люди ждут!

После этой брани он толкнул меня в спину, отчего я потеряла равновесие и чуть опять не упала, но успела ухватиться за косяк двери. Мои ноги твердили мне: «Беги отсюда немедленно». Но душа истошно кричала обратное: «Спаси тех, кто ждет спасение в твоем браке. Эти несчастные страдают от кровной вражды. Ты – их спасение». В конце концов я собрала где—то в глубине души всю свою волю в кулак и вышла из спальни с высоко поднятой головой; встретившись со взглядом Кималя, я словно испепелила его своим. С гордой маской на лице я сходила на кухню и принесла гостям кофе. На этом празднично торжестве не было лишь Вурала. Он просто уехал в магазин, посчитав, что ему здесь нечего делать. Поехал он за новым костюмом на свадьбу. Но его радость неожиданно омрачилась неприятным событием, которое изменило все наши жизни. Это происшествие решительно расставило все по новым местам.

Как только он припарковал свой автомобиль неподалеку от магазина элитной одежды, сзади в его машину врезался черный внедорожник, за рулем которого была девушка. Да, именно та самая девушка, которая и встанет между нами. Ее красота по—

разила Вурала сразу же, как только он вышел из машины. Он увидел эту хрупкую, испуганную девушку и сразу же влюбился в нее. Хоть он и был в ярости, но стоило ему посмотреть на нее, как злость тут же исчезла. Девушка взволнованно выбежала из машины и подошла к нему. Вурал потерял дар речи. Она посмотрела растерянно ему в глаза и начала оправдываться:

– Извините меня, пожалуйста. Я… Я не хотела. Клянусь, это вышло случайно!

Несчастная нервничала и просто поцеловала Вурала прямо в мягкие и нежные губы. Конечно, парень вообще ничего не понял сразу. Но после, придя в себя, не теряя ни минуты, он спросил у этой чудной незнакомки:

– Зачем ты это сделала?

Асу, выходя из машины, заметила Явуза, который стоял на противоположной стороне дороги, и этот поцелуй было первое, что пришло ей в голову. Любуясь, как Явуз взбешен, она кокет— ливо ответила:

– Ничего, это был маленький, как бы это вам объяснить… Это просто извинение.

Все, что сделала девушка, видел Явуз, и на тот момент в его жилах забурлила огненная кровь. Жар подступал вверх по шее, а гнев и ревность переполняли его душу. Явуз пылал жаждой разобраться с ними. Каждая клеточка в его теле твердила одно и то же:

– Уничтожь их! Убей изменницу!

Явуза останавливала лишь мысль о том, что у этой девушки есть его сын. Чтобы Мохамед не страдал, Явуз просто сел в авто— мобиль и уехал, свистя резиной дорогих покрышек.

Вурал пристально смотрел в эти бездонные глаза и тонул в них. Асу, конечно, стало не по себе от этого взгляда Вурала. В ее мыслях было лишь одно: «Почему он так на меня смот— рит? 0, мой Аллах! Я вновь вляпалась в историю! Зачем толь— ко я это сделала!»

Молодой человек пристально смотрел на девушку и просто не мог сердиться и кричать на нее. Ее красота затмила его разум, заглушила его злость и гнев, а его душа просто хотела петь от счастья. Вурал влюбился в одно мгновение, в одну секунду, с первого взгляда. Влюбился пылко и страстно. Стрела Амура уже была выпущена из арбалета, и невозможно было сопротив—

ляться этому.

Молодой человек еще не осознавал того, что с ним случилось, он просто хотел быть всегда с этой девушкой. После минутного молчания к нему вновь вернулся дар речи, после чего последовало предложение без права на отказ:

– Я вас прощаю… Невозможно держать зло на такую девушку, как вы… Вами нужно любоваться и положить все блага нашего бренного мира к вашим ногам.

Девушка внимательно слушала Вурала, смущаясь, щем/1 ее стали пунцовыми. Она дрожащим голосом попросила тихонечко:

– Прошу вас, не вводите меня в краску, прошу вас, бей.

На эту просьбу Вурал лишь заулыбался, а потом радостно ответил:

– Хорошо! Но только я вас приглашаю на ужин, это не просьба, а оплата за разбитую машину.

Асу все поняла, просто приняла его приглашение как должное, отказаться было нельзя. Это должное и изменило вконец всю мою жизнь и безвозвратно закружило нас в водовороте событий. Именно в тот момент, когда Вурал познакомился с Асу, Кималь надел мне на безымянный палец обручальное кольцо со своим именем, высеченным на внутренней стороне. Я даже и не думала о том, что Вурал, а не Кималь станет моей судьбой. Но судьба любит играть с нами в жмурки, отчего становится еще хуже на душе.

В те самые злосчастные минуты по моим щекам даже не текли слезы. Только невыносимая боль была у меня в груди, отчего казалось, будто тысячи кинжалов вонзались в нее. Но я терпела все эти невыносимые муки и знала, что я должна быть сильной и стойкой, мое детство окончилось так неизбежно и горько. Но кто тогда мог поверить в то, что свадьба принесет еще больше вреда, чем пользы? Что все тайное выльется на белоснежную скатерть и очернит безвинную душу. Придется столкнуться с тем, что по роковой случайности жизнь прервется и наступит конец. А тот, кого ты любишь всей душой и сердцем, станет недосягаем, словно Меркурий для муравья с Земли. Никто даже и не думал, что придется столкнуться смерти и вечной любви лицом к лицу, отчего мертвые будут разговаривать с живыми, а живые с мертвыми. И что плоть и душа столкнутся над собственной могилой. Разве такое возможно? Думаете, что нет? Я тоже так думала, пока не пережила это сама…

После того как Кималь надел мне на палец обручальное коль—
цо, он посмотрел своими звериными глазами на меня и сказал:

– Бихтер, теперь мы с тобой помолвлены и совсем скоро ты
станешь моей женой. Пока можешь сопротивляться, скажи все,
что хочешь, прямо сейчас. Потом будет поздно что—то говорить.
Время будет играть против тебя.

Тогда я просто стояла и смотрела в его проклятые черные
глаза. В те секунды у меня было лишь одно желание: плюнуть
ему в лицо. Прекрасно понимая, что меня разлучили с люби—
мым, я не стала скрывать от него правду, лишь прикоснувшись
к его щеке, я прошептала на ухо с крайней жестокостью:

– Запомни лишь одно… Я выйду замуж за тебя, но ни за что
не стану тебе женой! Не скажу, что люблю… Моим мужем на—
всегда останется Савашь Ольтмакс, а не ты, надеюсь, ты пони—
маешь значение слова муж?

Закончив свою яростную речь, я отошла на один шаг назад,
как вдруг Кималь резко дернул меня к себе, зарычав мне прямо
в лицо:

– Думаешь, если скажешь мне, что ты не девственница,
я тебе поверю? Не старайся меня обмануть. Я знаю, что Савашь
тебя даже пальцем не трогал!

Меня стали переполнять злость и шев. Я не понимала, поче—
му он мне не поверил. Почему? Ведь я говорила чистую правду,
но он мне не поверил или просто не хотел верить. Я больше не
могла выносить ядовитого взгляда этого мужчины и, сослав—
шись гостям на то, что от волнения мне внезапно стало нехоро—
шо, умчалась со всех ног к себе в спальню. Именно на тот
момент я не понимала, что делала, в моей голове все оконча—
тельно запуталось. Неизвестность пугала меня, отчего мое серд—
це сжималось. На моих глазах рушилась моя жизнь, мои мечты
превращались в пепел, а страхи и кошмары – в реальность. Кто
мог предположить, что из—за моих действий прольется кровь ни
в чем не повинных людей, в том числе и ребенка? В этот день
я собственноручно подписала всем им смертный приговор.

Мне казалось на тот момент, что выхода нет. Я с грохотом
захлопнула за собой дверь, прижалась к ней спиной, держась
рукой за ее золотую ручку. Обегая глазами комнату, я твердила
только одно дрожащим голосом:

– Нет, из этой ситуации должен быть выход. Безвыходных
ситуаций не существует.

Тогда я совершила самую ужасную ошибку в моей жизни: позвонила Савашу. Зачем я это сделала тогда, не помню. Когда человека загоняют в угол, он цепляется за все, за что только может ухватиться, не думая о том, что может потопить и других. И я топила, даже не желая этого сама.

Взяв телефон в руки, я в растерянности набрала номер Са— ваша и ждала ответа, слушая долгие гудки. В этот момент папа решил зайти ко мне, но Кималь захотел это сделать сам, так как наши отцы должны были серьезно переговорить между собой о бизнесе. Кималь гордой походкой поднимался по лестнице этого ледяного дворца, а в моей трубке все шли и шли мучи— тельные гудки. Вот он уже прошел половину лестницы, как, наконец, Савашь взял трубку. Надежда вновь затеплилась во мне, и жизнь стала переливаться разными красками, именно тогда я и услышала его голос:

– Слушаю тебя, душа моя. Что случилось? Почему ты так взволнованно дышишь?

Да, он всегда чувствовал мой голос и поэтому предполагал, что что—то произошло. Возможно, он ощущал меня каждой кле— точкой своего тела и души. Он был моим продолжением, вернее, частью меня. И вот сегодня я не смогла скрывать от него, что со мной. Потому что не было ничего хорошего во всем этом. Я не удержалась и выпалила:

– Савашь, любимый… Случилось… Если бы ты знал, как мне сейчас больно. Я очень сильно сожалею о том, что не согласи— лась бежать с тобой на край света. Бежать туда, где нас никто и никогда не найдет. Какая же я была дура!

Именно в эти минуты к спальне подошел Кималь. Подо— шел к моей комнате Азраиль* собственной персоной. В эти секунды он хотел открыть дверь, но услышал, как я говорю, и просто замер, словно затаившийся хищник. Савашь тем вре— менем держал в руках мою фотографию и, любуясь ею, говорил:

– Бихтер, милая, расскажи, что случилось? Почему ты так встревожена? Знаешь, милая, давай, наверное, встретимся, и ты мне все расскажешь как есть. Встретимся на нашем старом мес— те, хорошо? Я буду тебя там ждать… Бихтер, я и в ад кромешный за тобой с улыбкой на устах пойду.

Тогда я почувствовала незабываемую нежность в его голосе, которая придавала мне сил. Именно эти слова мне помогли набраться храбрости. Я взяла простыни с постели, привязала к батарее и спустилась вниз со второго этажа. Когда мои ноги

коснулись земли, я взглянула наверх и увидела разгневанного Кималя. Он все слышал, зашел в спальню и увидел распахнутое окно со спущенной простыней. Я бежала как ошпаренная от особняка на улицу, запрьтшула в проезжающее такси, а Кималю оставалось лишь наблюдать, как я ускользаю из его рук. Преодолев гнев, не отвечая ни на какие вопросы, он в ту же секунду сел в свою машину и помчался за мной.

В такси я чувствовала себя в безопасности. На мое счастье, водитель оказался лучшим другом Саваша. Его звали Керим. Он посмотрел на меня в зеркало и сказал:

– Возможно, я вас сейчас спасаю, госпожа? Савашь просил как можно безопаснее доставить вас до пункта назначения.

Я ответила ему тихим голосом, смотря в зеркало:

– Спасибо тебе огромное, если бы не ты, то я не познакомилась бы с таким человеком, как Савашь. Спасибо, что решил помочь, не прося ничего взамен.

– Аллах Акбар, госпожа. То, что я сейчас с вами, это его воля. Его величию бесполезно сопротивляться. Аллах велик.

Тут он был прав как никогда. Все происходит по воле Аллаха, без него тот или иной цветок не распустится, не умрет тот или иной человек. Это все его воля, а не наша, к сожалению.

А дома, после того как Кималь в бешенстве умчался куда—то, мой отец пошел ко мне в комнату и увидел, что я сбежала. Он в гневе схватил старинную вазу, которая стояла на пианино, и швырнул ее об стену. Громкий звук разбитого фарфора вперемешку с его воплем привлек внимание людей.

– Мерзавка! Я должен был убить эту несчастную сразу, как только она появилась на свет!

На разъяренные крики Мехмета Сорала в комнату вбежали моя мама и госпожа Белькйз. Вас, наверное, интересует, кто такая госпожа Белькиз? Я расскажу вам о ней с превеликим отвращением. Эта женщина – очень темная личность, грубая, черствая и очень жестокая. Она, как и многие другие женщины, была обижена на свою судьбу, но решила уничтожить всех, надеясь, что это затмит ее горе. О ее внешности, о ее красоте ходили правдивые слухи. Хоть и была она в возрасте, но оставалась такой же прекрасной, словно годы делали ее еще красивее и элегантнее, взгляд ее становился еще более четким и властным. На ее лице не было морщин. Она была матерью покойного Орхана, мерзкого Кималя и Вурала, парня, которого я еще ни

разу так и не видела. Про Вурала говорили, что он совершенно не такой умный, как Кималь. У нее был еще один сын, Ибрагим. Про него ходили не очень хорошие слухи. Поговаривали, что он пошел против воли клана.

Мой отец был разгневан и даже не замечал никого вокруг себя, он выбежал из спальни, а следом за ним выбежала и госпо— жа Белькиз. Словно ураган, промчались они сквозь толпу гостей и быстро уехали на машине вслед за Кималем. Нет, нет, они совер— шенно не хотели спасти меня от Кималя, они жаждали крови. Вслед за ними выбежала моя мама, но было уже поздно, задние фонари отьезжающей машины казались совсем крошечными огоньками на трассе, а вскоре и совсем исчезли в темноте, а моя любимая мама, вся в слезах, смотрела вдаль. Прислонясь к высо— кому металлическому забору, с болью в сердце она произнесла:

– Бисмилла, прошу, смилуйся над ней Мехмет Сорал!
О, Аллах! Защити мою голубку, защити ее!

Тем временем Кималь, рассекая воздух, мчался за мной взбе— шенный, с чувством, что его предал самый близкий человек. Его переполняли мстительная злоба и ревность, отчего он и шел на крайние меры. Он достал из бардачка своей машины сияющий, словно стальной клинок, револьвер. Оружие, которое находится в руке человека, обязательно выстрелит и попадет в цель, для которой оно предназначалось. Любуясь этим человеческим тво— рением, он сказал:

– Ну, уж нет, Бихтер, если ты не достанешься мне, то тогда не достанешься и Савашу. В этом револьвере всего одна пуля. Она или для тебя, или же для твоего любовника. А возможно, и для вас обоих!

Савашь уже ждал меня на нашем месте. Мы встречались в этих развалинах и раньше. Руины остались от старого особня— ка одного шейха. Особняк был оазисом среди пустынных мира— жей. Это было самое прекрасное место среди полупустыни. Са— вашь был великолепным, умньпи мужчиной, понимающим людей, он интересовался судьбой каждого человека. Да и сказать про то, что он беден, нельзя. Ведь за собой он имел бескрайние земли, отель, магазины, фирму по недвижимости и пару таксо— парков. То есть Савашь – это образец настоящего мужчин

Керим ехал с большой осторожностью, взглянув в зеркало, он заметил автомобиль Кималя, решил поинтересоваться у меня:

– Бихтер, прости за беспокойство, но ты не знаешь случайно, кто за рулем черного «ниссана», который едет позади нас? Эта машина преследует нас от самого твоего дома.

Я удивленно ответила:

– Не знаю, сейчас посмотрим.

Обернувшись назад, я увидела в машине разъяренного Кима—ля и от испуга схватилась за телефон, чтобы позвонить Савашу.

Тем временем за нами ехали в погоню госпожа Белькиз и господин Мехмет. Они были настроены тоже решительно: или забрать меня силой, или убить. Госпожа Белькиз взглянула на моего отца и сказала:

– Господин Мехмет, я понимаю, что эта девушка ваша дочь. Но что мы будем делать? Она очень строптива, своенравна, ее необходимо обуздать, или мы в будущем с ней настрадаемся.

– Не беспокойтесь, госпожа Белькиз, я знаю, как обуздать свою дочь.

Потом он ехидно заулыбался и кому—то позвонил:

– Привет, Джунейит.

– Господин Мехмет, какими судьбами?

– Такими. Мне нужна твоя помощь в одном деле. Надеюсь, ты знаешь Саваша Ольтмакса?

– Конечно, знаю, а что с ним случилось? Или…

– Или, Джунейит, или… Ты, значит, знаешь его брата Юсу—фа? Итак, привезешь Юсуфа с женой и дочерью, куда я прика—жу. Ты понял меня?

– Да, я все понял, но зачем ребенка привозить?

– Знаешь, Джунейит, дети – лучшее лекарство от всего, и также это заставит человека сожрать свое дерьмо. Ты просто делай свое дело правильно, и получишь вознаграждение за это.

После этих слов господин Мехмет бросил трубку. Джунейит, сидя в недоумении, буркнул себе под нос:

– Интересно, на какую мозоль наступил ему Савашь Ольт—макс? Это надо же так разозлить человека, чтобы он захотел убить весь его род. Ну ладно, это не мое дело. Мне главное сработать все чисто.

Джунейит встал, взял телефон и отправился на задание.

Я тем временем дозвонилась до Саваша, в испуге сквозь слезы прокричала рыщающим голосом:

– Савашь, милый мой, не приезжай на наше место, нас преследует Кималь. Его машина несется на полной скорости, он в бешенстве. Милый, уходи оттуда!

Савашь в панике за меня закричал:

– Бихтер, где ты? Не делай глупостей, приезжай сюда и ничего не бойся, этот подонок не причинит тебе больше вреда. Поверь мне, они не разлучат нас! Я безумно тебя люблю! Милая моя, умоляю, сделай так, как я тебе сказал! Хорошо?

Я даже не знала, что ему ответить, но только понимала, что на нашем месте нам встречаться нельзя. Да и вообще допустить встречу огня и пороха крайне нежелательно, так как, если это произойдет, то случится безумие. Я лишь молилась и шептала вполголоса, захлебываясь слезами.

Если честно, на тот момент мне казалось, что я спасаю его, и не могла даже представить себе, что придет буря, которая снесет все на своем пути. Я просто добавила тогда:

– Савашь, прощай, я тебя полюбила всей душой, а главное, сердцем! Знай, если с тобой что—нибудь случится, то я не смогу дышать без тебя. Моя жизнь превратится в пепел, в ад и безграничную тоску… Прощай…

После всего сказанного я отключила телефон, тяжело вздохнув, сказала другу Саваша:

– Керим, я прошу тебя, поехали вон по той грунтовой дороге, которая ведет к горной речке возле пастбища для скота.

– Ладно,– настороженно ответил Керим.

Савашь взбесился после нашего разговора, он подбежал к машине, схватился за голову, достал свой телефон и сразу позвонил другу. Керим понял, кто звонит ему, это звонит его друг и господин Савашь. Он сразу взял трубку и промолвил:

– Я слушаю.

– Керим, вы едете?

– Да, мы едем, только не к тебе, а на другое место.

– Что? Но почему так? Дружище, езжайте сюда, ко мне. Так Кималь не сможет причинить никому вреда. Ни Бихтер, ни кому—либо другому!

– Ладно, друг мой. Мы едем на пастбище возле речки. При—езжай сюда, я надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Спасибо тебе, друг, ты этим спасаешь меня!

Я даже не слышала, как Керим говорил с Савашем. Я толь—ко вспоминала прошлое и плакала. В детстве мы всегда сидели с братом на террасе и смотрели на воздушные шары в небе, представляя, как мы летаем на них. Ребячество! У нас был дядя, дядя Мустафа, он работал инструктором, но из—за боязни высо—ты я так и не полетала на воздушном шаре. Меня очень интере—совал вид на Эльхаро с высоты, но не посчастливилось в дет—стве. Но посчастливилось после знакомства с Савашем, он вернул мне часть моего прошлого, а главное – исполнил мою завет—ную мечту: с ним я впервые поднялась в небо над Эльхаро, и эти воспоминания остались на всю жизнь. Я больше ничего не могу сделать, кроме того, как поблагодарить вас, господин Савашь. Это все, что я могу. Когда мы сталкиваемся, то в моей жизни происходят прекрасные вещи. А долина влюбленных в Ургупе, такая же огромная, как и наша любовь, от этой любви мои глаза ослепли, разум помутился, ты не понимаешь? Мое сердце прикипело к тебе! Я сделала все это, чтобы не потерять тебя, и снова так поступлю, если это повторится вновь! Женщи—на, которую ты любишь, безумно любит тебя. Любит тебя боль—ше всего на свете! Я тебя очень люблю. Я не могу жить без тебя, Савашь! Без тебя я не знаю, что такое жизнь и надежда. Ты для меня все. Что мы теперь будем делать, все кончено? Нас больше нет?

Мой отец позвонил Кималю. Молодой человек схватил те—лефон и озлобленно ответил, раскидывая искры гнева:

– Что нужно?

– Кималь, сынок, не делай глупостей.

– Господин Мехмет, самую большую глупость я совершил еще очень давно. Тогда, когда влюбился в твою безумную дочь! Запомни, Мехмет Сорал, если я ее не убью, то лишь потому, что я безумно ее люблю. И умереть ей или жить, решаю только я! За эту боль, которую она мне причинила, я заставлю ее страдать в тысячу раз сильнее!

– Сынок, не делай глупостей, эта дерзкая девчонка получит

от меня суровый урок. Этот урок она запомнит на всю остав— шуюся жизнь.

– Ну уж нет, господин Мехмет, тогда я убью Саваша Ольт— макса! Убью, клянусь Аллахом.

– Не заливай свои руки еще большей кровью. Пусть их зальет кто—нибудь другой. Не бери грех на душу!

– Поздно, слишком поздно. Я уже взял грех на душу,— после этих слов парень бросил трубку, прослезился и сам себе сказал: «Взял тогда, когда убил этого маленького мальчика, ко— торый до сих пор не дает мне покоя. А вы мне еще говорите, не бери грех на душу».

Отец пытался дозвониться до Кималя, но тот не брал трубку, а потом и вовсе отключил телефон.

Мы с Керимом приехали на пастбище, как назло, там нико— го не было, только лишь речка омывала песчаный берег. Керим остановил машину, и я вылезла из нее. Вдруг со стороны реки подул ледяной ветер, пронизывающий до костей. Казалось, что смерть ступила через тебя, чтобы найти новую жертву для по— хоронного савана. Я смотрела на тихую гладь реки, по которой бегали маленькие барашки волн, и думала: «Я сама кинула в эту воду огромный камень. Какими будут волны от него, известно только самому Аллаху. Я кинула не просто камень, а свою жизнь, любовь, надежду. И неизвестно, какая придет волна: либо маленькая, чуть заметная, либо цунами, сметающая все на своем пути. Что же я наделала?» Неожиданно за моей спиной раздался гул знакомой машины, потом хлопнула дверь, я не оборачивалась, но услышала голос:

– Бихтер! Мерзавка, что ты здесь делаешь? – озлобленно кричал Кималь. Увидев, как это ничтожество схватило меня за руку, Керим тут же выскочил из машины и лишь только за— кричал:

– Эй, ты, подонок, отстань от девушки!

Прозвучал выстрел, и Керим рухнул на холодный песок. Из его лба потекла струйка крови. Увидев это, я испуганно закри— чала, смотря в сумасшедшие глаза Кималя, но вдруг позади него раздался крик Саваша:

– Отойди от нее, подонок!

А после услышала крик моего отца:

– Если выстрелишь в Кималя, то тогда одна пуля попадет в лоб твоему брату, другая в невестку, а третья – в эту очаровательную девочку. Кажется, это твоя племянница?

Мурашки побежали по всему телу. Смерть рядом, лишь в одном шаге от них. Отец никого не оставит в живых, я его знаю, знаю! Когда Савашь оглянулся назад, то увидел рыдающую маленькую Мельтем, которую держал перед собой неизвестный негодяй. Девочка была не на шутку напугана, смотрела дяде в глаза и словно молила: «Дядя, спаси меня от этого человека, прошу тебя! Мне очень страшно». А этот мерзкий подлец, улыбаясь, держал большой нож около ее шеи, словно он был психически нездоров, раз решился на такое безумство, смотря на девочку и на Саваша своими бешеными глазами. Савашь взглянул на Топрак, его невестка была сильно напугана и смотрела на свою дочь, как бы пытаясь сказать ей, что это все игра, просто игра, только для того, чтобы она не боялась. Тело ее немного тряслось, а по щекам текли слезы страха и страдания. Топрак взглянула на меня и дала мне понять, что это все из—за меня, озлобленно посмотрела на Саваша и попыталась что—то произнести, но скотч на ее губах мешал ей это сделать. Мужчина, державший ее, пригрозил пистолетом, приставляя его к виску. Когда я увидела избитого и полуживого Юсуфа, который пытался стоять из последних сил, мое сердце оцепенело от ужаса, я испуганно взглянула в счастливые глаза отца и госпожи Белькиз. Эти люди все время переглядывались с Кималем, бросая на него свои довольные взгляды. А он словно их ловил, наслаждаясь чужими страданиями. Это был жуткий сон, где было стадо маньяков, пытающихся отобрать добычу друг у друга.

Неожиданно для всех мой отец взглянул на Саваша, а потом сказал:

– Ты завоевал доверие моей единственной дочери, опорочил мою честь, и за это я покажу, сколько стоит то, что ты отобрал у меня! И еще ты забрал ее доверие ко мне.

Внезапно он щелкнул пальцами, и тут же один из ублюдков перерезал горло девочке. Топрак словно обезумела, когда увидела Мельтем, захлебывающуюся собственной кровью. Девочка пыталась что—то сказать, но через минуту затихла. Глаза ее застыли, а по щеке стекала еще пока горячая слезинка последних мгновений жизни. От увиденного я застыла на месте. Я не могла кричать, не могла плакать, а лишь только стояла.

В гневе Савашь кинулся на моего отца, но его перехватили. Кималь сразу же подошел к нему и вонзил ему нож в живот, а потом сказал ехидно:

– Твоя племянница умерла, как баран. А невестка умрет, как проститутка!

Не выдержав, Савашь закричал:

– Не—е—ет! Не трогай ее, подонок! Не смейте ее трогать! Да накажет вас Аллах! Изверги!

Кималь лишь с улыбкой на лице подошел к девушке, взгля—нул в ее голубые глаза, вдохнул аромат ее рыжих волос, а потом начал насиловать ее. Несчастная пыталась вырваться, кричать, но этот подонок, это ничтожное создание, не стесняясь своей мате—ри, делал свое дело у всех на глазах. В этом животном не было ничего человеческого, и этот псих еще больше меня пугал.

После того как это мерзкое создание надругалось над Топ—рак, он взял пистолет и застрелил девушку. Мой любимый Са—вашь уже не мог шевелиться, он просто умирал. Смотря в глаза пока еще живого брата, он искал в них прощения, но так и не смог найти его. А госпожа Белькиз взглянула на меня и сказа—ла:

– Вот такая цена за вашу величественную любовь, Бихтер. Слышишь, пам, пам – и нет. Вот и опять, пам!

И после очередного выстрела Юсуф рухнул на землю без движения с дыркой в голове. Савашь взглянул на меня, уже навечно прижимаясь к земле со словами:

– Я полюбил тебя… – после чего закрыл глаза на веки вечные.

– Ублюдки! Сволочи! Подонки! – выкрикнула я.

После этих слов я бросилась к своему Савашу. К сожале—нию, меня силой увели оттуда. Я лишь навсегда запомнила этот день, ведь именно с этого момента и наступила моя совершенно новая, мучительная жизнь. Глубокой ночью мы приехали домой, мне сразу же навстречу выбежала мама, она испугалась, когда увидела мое окровавленное платье. Я и не заметила, когда ис—пачкала свои руки и лицо кровью, мое сознание было в ту—мане. Смотря на маму, я заплакала и кинулась к ней в объятия. Она прижала меня к себе, а после взглянула на моего отца и госпожу Белькиз. Потом посмотрела на Кималя и промолвила:

– Что вы сделали с моей дочерью? Почему ее руки и пла—тье в крови? Что произошло? Что ты сделал с ней, Мехмет?

Мой отец очень сердито глянул на маму и грозно прогрохо—

тал:

– Молчи, женщина, и лучше следи за этой мерзавкой!

– Я тебя спрашиваю, Мехмет Сорал, почему у нее на руках кровь? – прокричала моя мама.

– Хочешь знать, почему у нее на руках кровь? – гневно рыкнул мой отец.

– Да, хочу!

– Спроси у этой блудницы, у этой мерзавки, из—за чего у нее на руках кровь! – грозно сказала госпожа Белькиз.

Я уже не могла это слышать и в порыве гнева закричала, ничего не соображая:

– Все, хватит! Это вы! Убийцы! Вы убили их всех! Даже ребенка не пощадили!

Смотря на них, я продолжала кричать.

– Убийцы! Убийцы! – пятясь назад, я посмотрела на маму и испугалась. Она побледнела и без сознания упала на пол. В ту же секунду я перестала кричать, лишь смотрела на свою мать, лежа— щую бездыханной, словно мертвая. Я истеричесЮ/т закричала:

– Мама, мама, мама! – безжизненно упав на свои похоло— девшие колени, хлопала ее по щекам, надеясь привести в чув— ство. Но она все не приходила в сознание.

Этот мужчина, который назывался моим отцом, взял ее на руки и отшвырнул меня в сторону. Вместе с госпожой Белькиз и Кималем они сели в машину и уехали из дома в больницу. Я не поехала вместе с убийцами моего любимого и всей его семьи, просто осталась дома, хоть моя мать была при смерти.

Ночь была беспокойной, я не могла уснуть. Но через час к нам домой позвонили и сообщили о том, что автомобиль моего отца попал в аварию. Моя мама и Кималь погибли, гос— пожа Белькиз получила травму позвоночника, а отец лишь сло— мал руку. Но лучше бы он сломал голову. Теперь только Аллах знает, что будет со мной. Ведь Кималь мертв, и меня, видимо, убьют тоже. Но это оставалось загадкой.

На следующий день мы съездили за мамой и Кималем в морг. Когда забрали маму, то по всем нашим обычаям мы закутали ее в похоронный саван. В это время мое сердце обли—

валось кровью. Я очень сильно рыдала над ней. Потом их отвез— ли в мечеть на площади для чтения молитвы. Когда мы стояли над могилой, ко мне подошла госпожа Фереде. Эта женщина с жестокостью схватила меня за руку и начала кричать:

– Ты приносишь одни несчастья! Понимаешь это? Это из— за тебя все с нами случилось!

Вдруг к этой сумасшедшей женщине подбежал Вурал и от— вел ее в сторону, сказав только одно:

– Невестка, в чем эта девушка виновата? В чем, скажи мне?

Фереде грозно зыркнула на меня и прокричала:

– В том, что она родилась на этот свет. В том, что влюбила в себя брата Кималя! Она погубила его и нас всех тоже погу— бит! Она проклятая!

– Все, хватит! – прогрохотала госпожа Белькиз. Потом без— жалостно добавила:

– Эта девушка наша невестка, ею была и ею останется! Завтра сыграем свадьбу! Вурал, ты женишься на невесте стар— шего брата, чтобы защитить нашу честь.

Слова этой дьяволицы, прозвучавшие в то время, когда ее сына и мою мать предавали земле, только еще сильнее показы— вали ее грязную натуру: несмотря на такой день, она все время думала о соблюдении традиций. Как она только так может? У нее что, совсем нет сердца? Нас с Вуралом словно обухом по голове ударили. Ведь этот парень влюбился в красавицу Асу— ханым. Он даже купил ей кольцо, чтобы сделать предложение. От слов матери он оцепенел и в ужасе прокричал на все клад— бище, нарушая покой умерших:

– Мама, 0 чем ты? Какая свадьба, у тебя сын умер, а у Бих— тер – мать! Ты в своем уме? Я на ней жениться не собираюсь, ты меня поняла, мама?

Тут к парню подошел его отец, господин Охмет. Мужчина грубо положил свою правую руку ему на плечо, и словно гром среди ясного неба прозвучали его слова:

– Ты женишься на ней завтра же. Нет, лучше сегодня вече— ром, закончим это дело!

Мои нервы уже не выдержали всей этой пытки, и я кину— лась в ноги господину Охмету с криком сквозь слезы. Я цело—

вала его черные лакированные туфли и говорила:

– Прошу вас, господин Охмет, не надо! Лучше убейте меня, но не губите своего сына, прошу вас! Вы хотите, чтобы закончилась вражда, так убейте меня сами!

Увидев у него пистолет, засунутый под ремень на брюках, я резко выхватила его и направила себе в голову, вложив пистолет в руки господина Охмета, и после промолвила:

– Нажмите на курок, и все закончится! Мне незачем жить, что было мне так дорого в этой жизни, сейчас лежит в земле. Я хочу быть с ними вместе и лежать там же! Ну же, стреляйте, не губите сына!

Вурал в ту же секунду кинулся ко мне и вырвал из наших рук пистолет. Потом взметнул на меня свои погасшие глаза и промолвил:

– Не нужно лишать себя жизни из—за меня. Ты еще не жена моего брата, ты просто его невеста.

Все на кладбище были в ужасе от происходящего. Похороны двух людей, девушка, парень, пистолет и тысячелетний обычай, который просто ломал жизни молодых людей. Не знаю, может, у кого—то и екнуло что—то внутри, но точно не у моего отца и не у госпожи Белькиз.

После Вурал прикрикнул на меня, Фереде и на всех остальных, кто там находился:

– Довольно! Девушку никто не тронет! И еще, я на ней не женюсь. Ясно вам?

– Как ты смеешь, щенок? Кто ты такой, чтобы возражать нашим обычаям?

– Смею, мама! Смею! – после этих слов он ушел с кладбища и уехал. Господин Охмет сел в свою машину и помчался за сыном.

После того как все покинули кладбище, там осталась лишь я одна возле могилы своей матери. Присев на корточки около ее могилы, я положила руку на гранитный памятник. Там была надпись: «ЫАЕЫ БОКАЬ 13—1961 0—2011 КУНПЪТА ЕАИНА›>*. Склонив голову, я зарыдала, и мои горячие слезы капали на сырую землю только что закопанной могилы моей матери. Я легла возле ее нового дома и нежно прижалась к ней рукой, словно обнимая ее, как в детстве, я лежала в ее объятиях, плача и шепча:

– Мамочка, почему все так? Ты меня тоже покинула, как и Савашь? Вы все умерли из—за меня! Как я теперь буду жить с таким грузом? Как?

Небо заволокло дождевыми тучами. А я уже вышла с клад—бища и все шептала:

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.
…Как на рассвете с утреннею мглой,

В лесу росистою листвою…

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.

Как осенний дождь тихонечко шепчется с листвою.
Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.

Как тихий, нежный ветерок погладит по головке…
Прощаюсь с милою звездою…

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.

* Назлы Сорал, год рождения 1961, год смерти 2011. Погибла в автокатастрофе.

– Мамочка, мама…

А в это время Вурал направлялся к своей Асу. Молодой человек даже не заметил того, что за ним гнался его отец. Не—ожиданно навстречу машине господина Охмета выскочил грузо—вик, не успев свернуть. Искореженные машины стояли на трас—се. Тихий дождик только начинался и пытался смыть все следы аварии.

Асу готовилась к приезду Вурала. Девушка закончила сер—вировку стола, наготовила его любимых блюд, горячие и холод—ные закуски, торт и даже поставила алую розу в хрустальную вазу. Две восковые свечи добавили романтики и чувственности. Когда любовное шездьтшко было готово, она пошла приводить себя в порядок. Назан им не мешала, ушла в кино, как раз показывали очень интересный фильм – «Расскажи Стамбул».

Асу распустила волосы, накрасилась, надела красное вечер—нее платье средней длины с глубоким декольте, с короткими рукавами в форме фонариков. Девушка также надела черные лакированные туфли—лодочки на шпильках. Шею она украсила серебряным гарнитуром с искусственными красными камнями. Подушившись духами с ароматом алой розы, она взглянула на

часы и произнесла:

– Скоро приедет Вурал. Я должна буду ему рассказать о моем Мохамеде, иначе я его потеряю. Конечно, кому захочется воспи—тыватъ чужого ребенка?

Вдруг в дверь постучали. Девушка удивленно сказала:

– Интересно, кто там может быть? Возможно, Назан что—то забыла.

Она подошла к двери, но, так как в ней не было глазка, как обычно, не спрашивая «кто там», она открыла дверь. Неожидан—ное появление Явуза в дверях потрясло ее. Она даже потеряла дар речи. Мужчина дотронулся ладонью до ее пунцовой щеки и потом сказал с любовью:

– Наконец—то ты одна. Мне кажется, что ты ждала кого—то? Или, может, ты ждала меня?

– Не трогай меня! Между нами все кончено! Закончилось еще тогда, когда ты уехал вместе с Нехал в Америку. Ты же нашел себе новую игрушку для развлечений. Не так ли, душа моя? – ответила ему девушка с горечью.

– Что? Что ты несешь? Нехал – моя сестра, она тяжело болела и ушла вместе с караваном в царство праведного Аллаха.

Она умерла от кровоизлияния в мозг. Врачи ничего не смогли сделать. Я потерял ее. И теперь у меня осталась лишь только ты.

Со слезами на глазах и нотками раскаяния в голосе Явуз обнял Асу. Несчастная девушка склонила свою голову ему на плечо и отчаянно зарыдала. Мужчина поднял ее голову и неж—но поцеловал в губы.

В этот момент Вурал подъехал к дому Назан и увидел, как его любимая целовала мужчину. Он, недолго думая, швырнул розы в сторону и бросился к ним. Вурал со всей силы и злобы ударил Явуза и сломал ему нос, потом взглянул в глаза Асу и сказал:

– Ненавижу! Как ты могла так поступить с нами? Как? Ведь я полюбил тебя.

Со слезами на глазах он взглянул на девушку. Она кинулась ему в объятья, но он оттолкнул ее от себя, развернулся и ушел. Асу побежала вслед за ним с криками:

– Вурал, ты все неправильно понял! Вурал, не отворачивайся от меня! Не стой ко мне спиной!

Асу бежала за машиной Вурала, упав, она разбила колени в кровь, но продолжала кричать:

– Вурал, не уходи, не поворачивайся ко мне спиной, прошу тебя! Я же люблю тебя…

Парень, вытирая слезы, смотрел в зеркало заднего вида, он видел, как Явуз подбежал к Асу и поднял ее с серого асфальта. Вдруг тишину пронзил звонок телефона. Номер был скрыт, но Вурал все равно взял трубку и спросил:

– Да, я слушаю. Кто вы?

– Здравствуйте, вас беспокоят из центральной больницы имени Султана Хаяма. Вы Вурал Усттон?

– Да, я. Простите, а что случилось? – настороженно спросил мужчина.

– Ваш отец, господин Охмет, попал в аварию и сейчас нахо— дится в критическом состоянии. Есть угроза жизни. Мы просим вас приехать сюда.

– Хорошо, я еду! До свидания.

В этот день Вурал получил еще одно потрясение. Он тут же развернул машину и помчался назад, в городскую больницу.

Когда я пришла домой, то там никого не было, кроме слуг. На улице начался ужасный ливень, грохотал гром. Я сняла с себя мокрую одежду, вытерла волосы и приняла горячий душ. Смыв с себя всю грязь этого мира, я подошла к столу и увиде— ла на нем свежие газеты. Пролистав страницы, я вдруг увидела на первой полосе странные слова, отчего мое сердце замерло. Мне вновь пришлось пережить тот злополучный день. День смерти Саваша, Керима, Юсуфа, Топрак и девочки Мельтем. На фото в газете было то самое место убийства и тела всех убитых в тот день. Все так же стояла та самая машина такси с открытой дверью, и все так же лежали их тела. Над фото был заголовок большими алыми буквами: «Зверское убийство семьи Ольт— макс».

Асу прошала Явуза и позвонила Назан. Девушка попросила купить свежую газету, чтобы хоть как—то развеяться. Назан вы— шла из кинотеатра и увидела газетный киоск. Подойдя к нему, она прочитала ужасные заголовки газет, которые твердили об

одном и том же по—разному: «Зверское убийство. Убийство се—мьи Ольтмакс. Почему убили семью Ольтмакс и почему без вести пропал Савашь Ольтмакс?»

Девушка подошла к киоску и попросила у продавца газету. Она пошла домой, читая ее по дороге.

«Почему убили семью Ольтмакс? Куда пропал сам Савашь Ольтмакс? 25.09.2011 года в 8.30 утра на северном пастбище от Вана было обнаружено четыре трупа. Как оказалось, среди уби—тых был ребенок пяти лет – Мельтем Ольтмакс. Двое муж—чин – Керим Эльгаз и Юсуф Ольтмакс, а также его жена — Топрак Ольтмакс. Что там произошло, пока не известно. Но у полиции есть несколько версий убийства. Один из подозрева—емых – брат покойного Савашь Ольтмакс, так как на работе он не появлялся, дома его тоже нет, как будто он сбежал из страны. Следствие считает, что убить своего брата и его семью он мог на бытовой почве. Полиция занимается этим зверским убий—ством. Если кому—то что—нибудь известно об этом, просим сооб—щить в полицию».

Вурал примчался в больницу и увидел там свою мать и неве—стку в слезах. Он подбежал к матери и растерянно спросил:

– Мама, как это произошло? Что случилось с отцом? Он жив?

Госпожа Белькиз подняла свои глаза на сына и промолвила с болью в сердце:

– Это ты виноват, что отец лежит там и борется за свою жизнь! Он поехал вслед за тобой, разогнавшись, он не смог затормозить, когда перед ним появился грузовик. Машина тво—его отца врезалась в него! Зачем он только поехал за тобой! Зачем? Словно мой муж мчался прямо к своей смерти!

– Мама, я не хотел, чтобы так вышло, не хотел… Я этого не хотел…

Вытирая слезы с глаз, Вурал опустил свою голову матери на колени и еще сильнее зарыдал. Госпожа Фереде сидела на дива—не, который стоял в комнате ожидания, и вспоминала тот день, когда хоронила своего мужа. Тот самый день, когда предала земле своего Орхана. В тот день тоже шел сильный ливень. Даже могилу еле вырыли и саван опустили в воду, которая наполни—ла могилу. В тот момент у нее словно отобрали половину души, вырвали половину сердца. В тот миг, когда этот подонок выст—релил в ее мужа, Фереде стояла позади, всего на три шага. Жен—щина лишь услышала выстрел и потом увидела, как ее муж упал на землю бездыханный. Из его лба текла тоненькая струй—

ка крови.

Всю ночь они просидели в ожидании, как закончится опе—рация. Но она все продолжалась и продолжалась. Прошло около восьми часов. Врачи не могли остановить внутреннее кровоте—чение, из—за которого так долго длилась операция. Наконец—то наступило утро, доктор, оперировавший господина Охмета, вы—шел к ним. Госпожа Белькиз тут же спросила:

– Доктор, что с моим мужем? Что с ним, ради Аллаха, ска—жите!

На вопрос госпожи Белышз доктор, тяжело вздохнув, ответил:

– Господин Охмет пока побудет в реанимации. Шансы на то, что он выживет, крайне малы. Не хочу вас пугать, но готовь—тесь к любому исходу. Его восстановление займет годы, воз—можно даже, он навсегда останется инвалидом.

Эти слова словно парализовали Вурала. Он думал о том, что если бы согласился на брак, то, возможно, его отец не был бы в таком тяжелом состоянии сейчас, и он не разочаровался бы в Асу. Так бы и продолжал тайно с ней встречаться.

Утром, когда Асу проснулась и заварила себе кофе, она, как обычно, взяла газету и оцепенела от увиденного. Девушка выс—кочила из—за стола, задев рукой чашку, и помчалась к Назан, которая еще сладко спала в своей постели. Асу была не на шутку встревожена, как будто обезумела, она говорила все громче и громче:

– Назан, Назан! Ты не поверишь, но этот парень, Керим Эльгаз, подвозил меня домой! Именно в тот самый день, когда я прилетела из Марокко. О Аллах! В этот же день его убили.

Назан неохотно подняла голову с подушки, взглянула на Асу и пробормотала сонно:

– Разбудила меня из—за какой—то еРУНды. Лучше иди поспи, чем с раннего утра забивать себе голову.

– Вообще—то это не ерунда. Не хочешь слушать, и не надо.

Девушка слезла с ее кровати и пошла на кухню.

Сегодня я всю ночь не спала, читала новости из газет. У меня вновь все тело цепенело от воспоминаний. Но я только одного не могла понять: куда исчезло тело Саваша? Ведь он умер у меня на глазах. Что произошло потом, почему он исчез?

А может, он жив? Нет, я видела, как он умер.

Спустя неделю после помолвки с Кималем утро было хо—лоднее, чем обычно. Ведь осень вступала в свои права. А теплые и ясные деньки уходили все быстрее и быстрее. Я, как обычно, утром сходила на кладбище к маме, Юсуфу, Мельтем, Топрак и Кериму. Про Саваша так и не было никаких вестей. Словно его тело растворилось в воздухе. Конечно, все это было очень странно, но я знала, что он мертв. О нем напоминало все в городе. Везде были расклеены его фотографии с надписью «разыскивается». Возможно, этот день стал решающим для меня, пришел в себя господин Охмет. Мужчина сразу же захотел видеть своего сына, поэтому Вурал зашел к нему в палату и увидел отца, лежащего без движения.

Молодой человек подошел к нему и присел рядом на стул. Дрожащим голосом глава Устюнов промолвил:

– Я позвал тебя для того, чтобы ты женился на Бихтер. Дал свое согласие на этот брак. Но ты его не дашь, я в этом уверен. Сынок, ты характером пошел в свою мать, госпожу Белькиз.

На эти слова отца Вурал лишь глубоко вздохнул, а потом промолвил:

– Нет, отец! Я даю свое согласие на эту свадьбу. Я женюсь на Бихтер, но для начала я должен сам сказать ей об этом.

Как только уста Вурала промолвили эти слова, Асу и я слов—но почувствовали что—то. На душе у нас сразу же стало беспо—койно, словно появился новый тяжелый груз.

Господин Охмет улыбнулся и сказал:

– Благодарю тебя, сыночек.

Вурал взял его правую руку, поцеловал ее и прижал ко лбу. После он вышел из палаты и сообщил всем членам своей семьи и моему отцу эту новость:

– Послезавтра мы сыграем свадьбу. Я женюсь на вашей дочери, господин Мехмет.

Все были рады, в особенности обрадовались мой отец и гос—пожа Белькиз. А тем временем Вурал вышел из больницы и сел в свой автомобиль. Он поехал ко мне домой. Всю дорогу к моему дому он думал, что скажет мне, после того как вырвал тогда из моих рук пистолет. Как он оправдает себя в моих гла—зах? Может, скажет, что он подчинился обычаям, так как это

предписано нам судьбой? Или что—то другое?

К воротам нашего особняка подъехала машина, и из нее вылез Вурал. Сначала я не поняла, что он хотел. Я велела слу—жанке впустить его в дом и, когда он зашел, спросила:

– Здравствуйте, господин Вурал, что случилось?

Мужчина подошел ко мне совсем близко и взглянул в мои безжизненные глаза, без того самого блеска, который и прида—вал им жизнь. Только лишь своими словами вновь резанул мне по свежей ране, которая еще не затянулась:

– Бихтер, я знаю, что на кладбище я пообещал тебе, что не женюсь на тебе. Но я должен буду это сделать. Точнее, мы дол—жны это сделать. Прости, но мы должны это сделать, обязаны, и мы это сделаем. Послезавтра мы поженимся, и ты станешь моей женой. Вот тебе обручальное кольцо.

Вурал нежно взял мою руку, надел мне его на палец и про—должил:

– Теперь мы помолвлены. Свыкнись с этой мыслью, потому что тебе придется жить со мной, спать со мной, родить мне ребенка и быть верной женой и хорошей матерью.

Я стояла, не шевелясь, молча. После этих слов он ушел. Я закричала:

– Нет, этого не может быть!

Служанка испугалась и вбежала ко мне в гостиную:

– Госпожа, госпожа, успокойтесь, прошу вас, не надо плакать!

Вурал надел на мой палец именно то кольцо, которое пред—назначалось для Асу. Для нее, а не для меня. Немного успокоив—шись, я зашла в свою комнату и вновь взглянула на кольцо. Мои руки затряслись, казалось, что из кольца по ним текла кровь. Я вновь заплакала и в ужасе с брезгливым отвращением сдернула кольцо со своей руки и бросила его. Кольцо со зво—ном упало на пол.

Господин Чинар, пожилой мужчина, знахарь (его так назы—вали потому, что он очень хорошо разбирался в травах), делал настойки, мази и другие лекарства. Он шел в сторону кладбища за новым урожаем тысячелистника. Мужчина в тот день очень устал и шел медленно. По дороге Чинар вдруг заметил сто—ящую машину такси и девушку в нежно—голубом платье, кото—

рую насильно затаскивали в нее. Этот автомобиль быстро тро—нулся и исчез на дороге. Господин Чинар решил посмотреть, что там произошло. Когда мужчина подошел к этому месту, то его вырвало от увиденного. Ужас обуял его, на глазах выступили слезы. Вдруг он услышал позади себя тихий шепот:

– Бихтер, не надо. Бихтер.

Чинар повернулся и увидел молодого симпатичного черно—волосого мужчину, с короткой стрижкой, спортивного телосло—жения, он был еще жив, но лежал и истекал кровью от колотой раны в животе. Старик подбежал к нему, присел рядом и сказал:

– О, Аллах! Что же это за изверги такие, которые такое смогли сделать? Даже ребенка не пощадили и зарезали, как барана. Я помогу тебе, мой милый. Идти сам сможешь?

Мужчина еле—еле промолвил:

– Да, а они?
– Им ты уже ничем не поможешь,– опечаленно сказал старик.

Господин Чинар поднял его и спросил:

– Как тебя зовут?

– Савашь,– медленно, сквозь боль ответил молодой человек.

Чинар, держа его под руки, сказал:

– Сейчас мы пойдем в ту рощу, там стоит машина, я тебя отвезу в надежное место.

За три дня до моей свадьбы Савашь чувствовал себя очень плохо. Он пылал от жара и все время бредил, в бреду повторяя мое имя. Господин Чинар понимал, что если обратиться в поли—цию, то ему не помогут, а лишь навредят, потому что в этом деле было что—то нечисто. Знахарь пытался сам поставить его на ноги.

Савашь в своем бреду стоял возле пропасти. Перед ним был выбор: шашуть в бездну или пойти назад, ко мне. Он смотрел в пропасть и видел в ней всю свою жизнь, как на ладони, оглядываясь назад, видел меня в свадебном платье, хотел пойти ко мне, как вдруг услышал те стихи, которые сам писал для меня:

– Откуда ты такая?

Откуда явилась предо мною?

Откуда ты такая

Красивая, нежная?

– Я только ради тебя из моря вышла,
Явилась для тебя и сразу отдала,

Это все твое.

Губы, глаза и сердце

Будет биться для тебя.

Моя любовь.

Савашь отошел от края пропасти и направился ко мне. Он шел медленно, будто тащил на себе тяжелый груз, словно что—то не давало ему сделать шаг навстречу мне. Ему казалось, что я звала его к себе, и он шел, шел на мой зов. Удивительно, ведь в тот момент, когда он шел в своем бреду где—то там, по ту сторону жизни, я сидела на кровати и звала его к себе. Как оказалось, он меня слышал и шел навстречу жизни.

Вурал тем временем подъехал к дому Асу. Мужчина следил за ее домом из автомобиля, а его разум твердил только одно: «Забудь ее, ты дал добро на свадьбу. Теперь в твоей жизни будет только Бихтер, ты будешь жить с ней под одной крышей. Бу— дешь делить с ней ложе, будешь гладить ее волосы, целовать ее губы. Говорить, что любишь ее. Бихтер послезавтра станет твоей законной женой. Твоей собственностью».

Но его сердце твердило совсем другое: «Вурал, Бихтер жена лишь на бумаге, а не в кровати. А вот Асу та самая, которую ты так долго ждал. Даже если она обманывает тебя, ты можешь ее проучить, не сообщив о том, что женат, и будешь продолжать встречаться с ней. Будешь гладить ее волосы, целовать ее губы, спать с ней и говорить, что любишь ее. Сможешь насладиться этими моментами с чистой любовью, а главное, с любимой женой. А Бихтер ты сможешь использовать только в том случае, когда понадобится отдалить Асу и просто переспать с ней. Ведь эта девушка наверняка спит с тем типом. Ты сделаешь так же, как и она. Будешь встречаться с ней, как и прежде, но имея еще и жену».

Неожиданно из дома вышла Асу, она выглядела очень пе— чальной. Заметив машину Вурала, она взглянула в его глаза

и увидела там одновременно сразу два чувства: любовь и нена—
висть. Асу все смотрела на автомобиль, где сидел Вурал, и шеп—
тала про себя: «Любимый, ты все не так понял. Я же люблю
тебя всем сердцем, всей душой. Ради тебя я готова отворить
врата ада и прыгнуть в раскаленную лаву, если ты мне скажешь
это сделать. Я сделаю все что угодно, лишь бы ты меня простил
за то, что я не совершала. Прошу тебя, подойди ко мне, подойди
ко мне, прошу тебя, любовь моя».

Вурал смотрел на нее и словно был заворожен ее красотой.
Молодой человек открыл дверь авто и вышел из него. Он на—
правился быстрым шагом к своей любимой, и она побежала
к нему. Они слились в крепких объятиях. Асу прижалась к пар—
ню крепко—крепко и твердила одно:

– Ты все неправильно понял!

– Все, забыли. Мы с тобой все начнем с чистого листа.

Наступил вечер, а я все так же сидела на своей кровати
и смотрела на обручальное кольцо, лежащее на полу, сверкаю—
щее своей огранкой. Оно все больше и больше привлекало мое
внимание. Внезапно в мою комнату зашел отец. Он посмотрел
угрюмо и на мою беду увидел это кольцо. Взглянув на меня,
а потом на кольцо, он все понял. Отец поднял его и прочитал
надпись на внутренней стороне.

– Вурал. Значит, он принес тебе это кольцо и помолвился
с тобой, сделал своей невестой, а ты взяла и выбросила кольцо?

Я смотрела на него без страха. Только понимала одно: если
я буду его раздражать, то он убьет меня. И с гонором в голосе
я ответила:

– Да, выкинула, потому что я не выйду за него замуж! Тебе
все ясно, отец? Не собираюсь я губить свою жизнь в их доме!
Просто жить под одной крышей с убийцами я не стану! И даже
ты меня не заставишь! Я лучше умру, чем стану невесткой
в том доме!

Мой отец сильно разгневался, схватил меня за руки и пота—
щил в свою комнату, закрыл дверь на ключ, чтобы я не сбежала
от него, так как я всегда убегала, когда была совсем маленькой.
Он швырнул меня на пол. Он словно обезумел. Подошел
к своему столу, открыл нижний ящик и достал из него толстый
кожаный кнут. Он использовал его в очень редких случаях, это
был подарок какого—то Али Безликого. Потом он, протянув зло—
счастное кольцо, сказал:

– Надень его!

– Ни за что! – прокричала я.

– Хорошо, ты сама выбрала свой путь, Бихтер Сорал…

После чего он стал безжалостно стегать меня этим кнутом. От его ударов в некоторых местах на моем теле полопалась кожа и потекла кровь. Он бил меня все сильнее и сильнее, пока я не потеряла сознание.

Я открыла глаза от ужасной боли. Все мое тело было истер— зано до неузнаваемости. А на пальце было надето обручальное кольцо. Я уже была не в силах сопротивляться и просто подчи— нилась. Я не могла думать ни о чем, кроме этой невыносимой боли во всем теле. Неожиданно в мою комнату занесли свадеб— ное платье. Оно было так прекрасно. Пышная юбка, корсет, украшенный стразами. По всей ширине юбки располагались белые пышные розы и бусины, на поясе была чудесная красная лента. Подготовка к свадьбе шла полным ходом: готовили раз— ные блюда для угощения, украшали автомобили, подготавлива— ли лошадей, которые должны сопровождать свадебный кортеж. В общем, наша с Вуралом свадьба должна была пройти на высо— ком уровне.

Вурал заехал в больницу к отцу, и врачи сообщили ему, что тот не сможет присутствовать на его свадьбе. Конечно, это опе— чалило Вурала, но он держался. После больницы молодой чело— век приехал домой. Не успел он зайти в дом, как на него обру— шилась с воплями госпожа Фереде. Женщина перекрыла ему путь и начала нести всякую ерунду:

– Вурал, как ты можешь так поступать? Почему ты согла— сился на этот брак? Запомни только одно: если ты женишься на ней, я сделаю все, чтобы она ушла из этого дома! Тебе ясно?

Вурал пристально посмотрел и сказал:
– Хорошо.
Но лишь для того, чтобы она успокоилась.

В день нашей свадьбы меня разбудили очень рано. Мне дела— ли прическу, макияж и все в таком же духе. Настроение у меня было ужасное, на улице было как никогда холодно. Отец зашел ко мне и спросил:

– Бихтер, надеюсь, ты не выкинешь ничего такого?

Я лишь улыбнулась и сказала с дерзостью:

– Не беспокойся, мне теперь все равно, даже если мир нач—нет рушиться!

Отец, как обычно, поднял свою голову и сказал:

– Наконец—то ты поняла, что тебе лучше выйти замуж, чем отказаться от этого брака.

– Да, я поняла только одно: для того чтобы меня избавили от тебя, мне необходимо выйти замуж за Вурала, и тогда мои мучения закончатся. Теперь ты доволен? – спросила я сквозь слезы.

Отец задумался и, ничего не отвечая, вышел из комнаты. Но по нему было видно, что он не просто доволен, а счастлив и гордится тем, что сделал. Он вырезал целую семью и доволен. Как этот человек спит по ночам? Ему не снятся кошмары? Да какие там кошмары, если он, кроме себя и своей выгоды, ничего не видит вокруг. И это ничтожество – мой отец, Мехмет Сорал.

А в особняке Устюнов подготовка к свадьбе шла полным ходом. Когда все оделись и подошли к машинам, Фереде запла—кала, госпожа Белькиз ей сказала:

– Хватит, мы собираемся ехать за невестой, а не на похоро—ны. Вытри слезы!

– Не могу! Вы берете девушку из семьи, погубившей моего мужа! И ты просишь меня вытереть слезы? – эгоистично ки—нула госпожа Фереде, на что госпожа Белькиз, взглянув с пре—зрением, сказала:

– Если мы не заберем ее, то ты будешь глотать кровь!

После этих слов ее пересадили из инвалидного кресла в машину.

У нас в доме женщины пекли лаваши, готовили мое прида—ное. Мне казалось, что я иду на казнь, а не на свою свадьбу. Девушки поправляли мою юбку и красивые золотые украше—ния на мне. К нашему особняку подъехал кортеж из машин — это приехал Вурал.

Он вышел из автомобиля, и вслед за ним вышла Фереде. Женщина истерически кричала, забыв про то, что рядом с ними была маленькая Ясмин:

– Позор тебе, позор!

– Что происходит? – спросил он ее. Но Фереде оттолкнула его от себя и гаркнула:

– Как ты можешь смотреть в лицо Устюнам? А—а—а? Ты спокойно можешь жениться на внучке человека, который сде—лал сиротой твою племянницу, да? Сможешь?

Молодой человек взглянул в глаза Фереде и промолвил:

– Невестка!

– Никакая я тебе не невестка! – прокричала женщина. Вдруг к ней подъехала госпожа Белькиз и закричала на нее:

– Довольно! Если ты не хочешь быть невесткой, то уходи отсюда!

Фереде стояла, словно каменная. Она не могла поверить в то, что ей сказала госпожа Белькиз. Женщина взяла за руку Ясмин и сказала с дерзостью:

– Хорошо, дело ваше. Все равно здесь никого мое мнение не интересует. Я лишь мать вашей внучки и жена вашего сына!

Также на свадьбу к Вуралу приехал его брат Ибрагим. Он тут же подошел к Фереде и увел ее в дом, в отдельную комнату. Женщина села на диван и стала говорить:

– У меня болит душа, Ибрагим. Душа, понимаешь.

– Ты права, сестра. Но иного способа остановить кровопро—лития нет,– печально ответил ей мужчина.

– Почему эта девушка? Почему внучка убийцы твоего брата?

– Успокойся, выпей воды. Так получилось, ничего не поде—лаешь.

– Эта девушка принесет нам несчастья. Вот увидишь, Иб—рагим. Она нас всех погубит! – заплакав, женщина обняла руки Ибрагима и прижалась к ним губами, словно в них иска—ла спасения.

Наш свадебный кортеж ехал в усадьбу Устюнов, на терри—тории которой все было специально организовано для свадьбы. В первой машине, украшенной белыми лентами и красивыми алыми и белыми розами, ехали мы. Позади нас следовало еще десять машин, тоже празднично украшенных лентами. Каждую машину сопровождали конные оружейники с автоматами в руках.

Лошади также были украшены лентами. Вслед за кортежем ехали простые люди с воздушными шарами. Мужчины и женщины, представители двух кланов, держались за руки. Веселье переполняло их. Мне было больно находиться рядом с ними. Я ехала, не поворачивая головы в сторону Вурала, который время от времени поглядывал на меня, хотелось реветь, словно меня заставляли идти купаться в крови. Мы въехали в Ван, и я не смогла сдержаться, по моим щекам потекли слезы. Вурал вновь взглянул на меня и опять увел свой взгляд в сторону. Для проезда наших машин в городе остановили движение транспорта на дороге, открыв нам путь.

Наступил вечер. Мы вместе с Вуралом вышли из двухэтажного дома. У входа с обеих сторон стояли оружейники. Как только мы начали спускаться по лестнице, народ закричал, оружейники открыли огонь из автоматов в небо. По правую сторону от лестницы, по которой мы спускались, стоял стол, где сидел мой отец с другими мужчинами из семьи Устюнов. По левую сторону сидели женщины. Госпожа Белькиз вместе с госпожой Фереде сидели напротив того самого свадебного стола, где мы должны были дать свое согласие. Белькиз с улыбкой на лице захлопала в ладоши, а госпожа Фереде сидела и плакала.

Пока мы шли к столу, оружейный салют так и продолжался. Все нам аплодировали, свистели, играли народную веселую свадебную музыку. В общем, было все как надо.

Я присела за стол на великолепное кресло. Стол был застелен белоснежной длинной скатертью, свисавшей до самой земли, и украшен букетом из белых роз. Пожилой мужчина, мула, в красном одеянии с золотой оборкой на воротнике открыл брачную книгу, и вокруг все стихло, тогда этот величественный человек начал свою речь:

– Согласны ли вы, Бихтер Сорал, дочка Мехмета, не находясь ни под каким давлением, взять в мужья Вурала Устюна? Госпожа невеста?

Мне подставили микрофон, чтобы я говорила, но у меня язык не поворачивался. Я взглянула на своего отца и госпожу Белькиз, на простых людей, которые ждали от меня помощи. Мула снова задал мне вопрос:

– Госпожа невеста, еще раз спрашиваю. Не находясь под чьим-либо давлением, согласны вы взять в мужья Вурала Устюна?

Вокруг меня стояла тишина, отчего я лишь смогла вымолвить одно слово:

– Да.

Все вокруг стали радоваться, смеяться и опять стрелять в небо. Но среди этих радостных возгласов было три разбитых сердца, которые уже потеряли всю надежду на будущее. Это были Вурал, госпожа Фереде и я. Мы трое страдали, но никто словно и не замечал этого.

Спустя час Вурал пошел танцевать со всеми. Фереде весь праздник не сводила с меня глаз. Она ими словно пожирала меня. Будто сначала срывала с меня кожу, а после рубила топором.

Ибрагим сидел с другом Джаном, они беседовали.

Джан спросил Ибрагима:

– Ну что, друг, выяснил приготовление сосисок в немусульманской стране?

– Немного осталось.

– Узнай, наконец, ты нам нужен в Стамбуле. Ты сразу возвращаешься в Венецию?

– Нет, сначала поеду в Ургуп,– ответил Ибрагим.

– Отдыхать? – задал вопрос Джан.

– Отдыхать,– ответил Ибрагим.

– Ты заслужил,– добавил мужчина.

Потом Вурал снова пришел и сел в кресло возле меня, на тот момент все взоры были обращены в нашу сторону.

Перед тем как уйти в дом, я незаметно взяла нож со стола и спрятала его под юбку платья. Вот и наступила наша первая брачная ночь. Я стояла и смотрела на кольцо, обвела своим взглядом комнату. Сзади ко мне подошел Вурал и с нежностью сказал:

– Как здесь хорошо, правда? Ты еще увидишь дом в Стамбуле.

Я заулыбалась в ответ и спросила Вурала:

– Полагаю, ты гордишься собой. Сделал всех счастливыми, а себя нет? Зачем ты сделал это?

– При чем тут это, Бихтер?

Тут я повернулась и дерзко прокричала:

– Увы, не получилось у твоего брата завладеть мной, но получилось у тебя, верно?

– О чем ты?

– О том, что твой брат преградил мне путь и сказал, что, живой или мертвой, но я буду его. Он ждал столько лет, чтобы посмотреть на меня. Я сказала, что умру, но не выйду за драго—ценного сына Устюнов. Как я ошибалась. Твой брат сдержал свое слово! – разгневанно прокричала я.

Вурал посмотрел на меня, а после сказал:

– Хватит! Здесь нет моего брата! Нет! Но здесь есть я, твой муж, и ты будешь моей!

Схватив меня за руку, он захотел свалить меня на кровать, но не смог. Я резко вытащила нож и сказала ему, прижав лез—вие к его шее:

– Ну уж нет, Вурал Устюн, лучше я убью тебя и себя, но не стану твоей. Да ты хоть раз видел, как перерезают горло челове—ку? Нет? А я видела, как она упала, пытаясь что—то сказать, Мельтем захлебывалась своей кровью, она была совсем ребен—ком. Она затихла, и по ее щеке стекала последняя живая слеза. Потом она умерла. Все они умерли из—за кровной вражды! Они все умерли, и ты умрешь, если тронешь меня. Тебе ясно?

В глазах Вурала я увидела страх и сожаление. Он посмотрел на меня с грустью и тоской и еле—еле вымолвил:

– Да.

Мы всю ночь проспали на разных краях кровати. Воздух был заряжен напряжением и ненавистью. Если честно, мне было немного страшно. Мы вздрагивали от каждого шороха, глядя друг на друга, и снова затихали. Тревожились при каждом шеве—лении тела, звуке, дрожи и шорохе.

Наконец—то наступило утро, и мы полетели в Стамбул. Пос—ле напряженного полета нас встретили в аэропорту Стамбула. Я ехала в одной из машин вместе с Вуралом, госпожой Белькиз, сестрой Фереде и ее дочерью Ясмин. Эта прелестная девочка смотрела на меня, не отводя взгляд. И я осмелилась ее спросить:

– Почему ты так смотришь на меня?

– Просто.

Увидев, как я завела разговор с девочкой, сестра Фереде прижала ее к себе, а госпожа Белькиз со злобой прокричала:

– Разговаривай с ребенком нормально!

– Мама, а что она такого сказала? – спросил у нее Вурал.

Я уже не могла выдерживать этого унижения и заплакала, смотря в окно. Ясмин еще раз посмотрела на свою маму и потом сказала ей:

– Мама, а невестка плачет!

Женщина злобно посмотрела на меня исподлобья и сказала:

– Пусть плачет! Пусть проплачет до конца своей жизни!

Ее слова сильно ранили меня. Мне неожиданно стало так больно, как никогда раньше. Сидя в машине и смотря в окно, я наблюдала, как жизнь мчится перед моими глазами, как эти дома, витрины, рекламные щиты. Я понимала, что теперь меня ничего здесь не держит, казалось, что та ниточка, за которую держалась, порвалась, и я падаю в ту черную глубокую пропасть. Глядя на ручку двери машины, я подумала, что это и есть шаг к свободе, шаг к моему освобождению от этого ада. Рука, словно завороженная, стала ласкать эту маленькую черную ручку авто— мобиля. Я ничего не слышала, закрыла свои печальные глаза, резко открыла дверь и выбросилась из машины. Это все про— изошло так молниеносно, что никто ничего и не понял. Лишь услышали скрежет тормозов и сильный стук.

Иногда у нас нет иного выхода, кроме как покончить с собой, для того чтобы стать свободным и не причинять боль окружа— ющим. Мы совершаем эти безумства от безысходности, когда нет иного выхода. Если ты решишь остаться в этих муках, ты будешь словно выбросившийся на песчаный берег и яркое солн— це кит. А я решила залечь на дно этого океана.

Несчастная Фереде от испуга ничего не могла вымолвить. А маленькая девочка с ужасом плакала и кричала:

– Мама! Мама! Мама! Бихтер выпала из машины!

Вурал резко остановил автомобиль и оглянулся назад, но

меня не было на заднем сиденье, лишь была открыта дверь. Он в ту же секунду выскочил из машины, увидел перед собой ужасную картину: я лежала почти под колесами мощного вне— дорожника, на бампере автомобиля была большая вмятина с пятнами крови, и огромная лужа крови была подо мной. От сильного удара у меня болело все тело. Я была в сознании и смутно видела, как Вурал подбежал ко мне. Малютка Ясмин тоже выбежала из машины и что—то кричала, но в моих ушах все звуки смешались. Сестра Фереде пыталась успокоить ее, но это у нее не выходило. Я все лежала и нашептывала чуть слышно:

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.
…Как на рассвете с утреннею мглой,
В лесу с росистою листвою…
Приду к тебе весною.

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.
Под осенний дождь я приду к тебе росою
И положу четыре розы

На надгробие твоей могилы.

…Тихонько шепчется с листвою…

И ты идешь ко мне мечтою,

Как Бог, сошедший с тех небес.

Я слушаю Стамбул с закрытыми глазами.
Я слушаю… Я… Стамбул…

Не дошептав это стихотворение, я потеряла сознание.

Вурал подбежал и упал на колени около меня, лаская мои волосы, стал шептать:

– Прости меня, Бихтер. Я не хотел, чтобы так произошло! Не хотел.

Он заплакал, обнял мою голову и продолжал рыдать. Кто—то из толпы, которая собралась вокруг нас, вызвал скорую. Доно— сились крики: «Она мертва!›>, «Не знаю», «Возможно», «Нет, смот— рите, она дышит», «Значит, жива», «Интересно, а зачем она это сделала?», «Не знаю», «Возможно, этот парень ее муж?», «Нет. Кажется, он ее брат».

Я лежала на асфальте, бледная, вся в крови и ссадинах. Они были на лице, руках и по всему телу. Лежала и словно задыха— лась, мне было все тяжелее и тяжелее дышать. В этот момент мне

казалось, что я стою одна в пустыне. Там никого вокруг не было – лишь я одна. Невыносимая жара поглощала меня, а солнце светило все ярче и ярче, под ногами – раскаленный песок, в котором увязли мои ноги. Внезапно я услышала позади себя шаги, а когда обернулась, то увидела стоящую передо мной маленькую принцессу Мельтем, нежную, как душистая роза, Топрак и жизнерадостного Юсуфа. Эта счастливая семья ра— достно смотрела на меня. Маленькая Мельтем подошла ко мне и сказала:

– Отомсти за нас. Не смей умирать. Преврати их жизнь в ад ради нас.

После того как Мельтем сказала эти слова, они все исчезли. Я попала в темноту, где мне не хватало воздуха, чтобы дышать и говорить, казалось, что я нахожусь в гробу под толщей сырой земли.

Через пять минут после вызова скорой помощи она уже была на месте. Меня подняли на носилки, вскоре приехала по— лиция. Жандармы осматривали место происшествия, составляли протокол. Один из жандармов, прочитав мое удостоверение лич— ности, сказал:

– Женщина двадцати лет. Зовут Бихтер Устюн. По словам родных, она выпала из автомобиля.

Медсестра из скорой помощи промолвила:

– Давление очень низкое! Она без сознания.– Носилки покатили в карету скорой помощи, как вдруг Вурал кинулся вслед за мной с криками:

– Бихтер! Бихтер! Не умирай, Бихтер! Скажите мне, что с ней? Скажите, она выживет? Бихтер! Бихтер!

– Господин, господин, успокойтесь!

Двое полицейских попытались удержать его, успокоить. Из этого шума вновь послышался голос медсестры:

– Дыхания нет. Сердце остановилось.

Вурал услышал эти слова, отчего обезумел, он кричал голо— сом, полным страдания:

– Хочу вернуть время назад. Хочу, чтобы с Бихтер ничего не произошло. Хочу, чтобы это был просто дурной сон. Хочу, чтобы Кималь был жив.

Госпожа Белькиз сидела в ужасе, впервые прослезившись, она подумала о сострадании. Госпожа Фереде тоже никак не могла поверить в то, что я решилась покончить с собой. Жен— щина усадила ребенка в автомобиль рядом с собой, в надежде, что Ясмин успокоится и перестанет плакать.

Вурала держали двое жандармов. Они просили его успоко— итъся, но он словно обезумел. Карета скорой помощи включила сирену и помчалась в больницу.

Все считают, что нельзя жить в постоянной спешке и суете. Иногда нужно остановиться… У меня не получается это сделать. В молодости человек смотрит только вперед, а в старости — назад. Ум, чувства умиротворяются с годами. Для этого я долж— на состариться? Может, и нет? Это нелегко. Кто знает? Иногда мне кажется, что лучше пустить жизнь на самотек. Нужно жить только сегодняшним днем. Не стоит оглядываться назад, в про— шлое, и не стоит бояться будущего. Но легко сказать.

…Я шла по лесной дороге. Вокруг меня росли красивые цветы, воздух был наполнен лесными запахами. Я все шла и шла, не оглядываясь назад, на тот серый мир, оставленный мною позади. Те черные будни убегали от меня все дальше и дальше.

В больнице врач боролся за мою жизнь.

– Готовьте операционную.

– Хорошо, господин доктор,– ответила ему медсестра.

Пульса все не было, но доктор не терял надежду и продол— жал делать массаж сердца.

В бессознательном состоянии я уходила все дальше и даль— ше от всех своих прежних переживаний и страданий, удаляясь в ярком блеске солнца. Неожиданно позади себя услышала шо— рох, остановилась и оглянулась назад. Савашь стоял передо мной. Он смотрел на меня очень зло и вдруг сказал:

– Куда ты собралась, Бихтер? Решила оставитъ меня одного в этом бренном мире, да? А как же месть? Эти ничтожества останутся без наказания?

Глядя на него, я не могла понять, о чем он говорит, что он имеет в виду. Но он посмотрел на меня и опять сказал:

– Если ты хочешь, чтобы все получили по заслугам, то ты

дашь мне свою руку, и мы вместе отомстим за нас. И за всех тех, кому они причинили вред.

Савашь прижал ко мне свою руку и прошептал:

– Ты со мной? Не бросишь меня одного здесь?

Я стояла и смотрела на своего любимого, не понимая ничего.

Мне продолжали делать массаж сердца. Доктор терял послед— нюю надежду, но твердил лишь одно:

– Пульса нет. Дайте пять миллиграммов адреналина, немед— ленно!

Доктор все время смотрел на прибор для измерения жиз— ненных показателей. Он почти потерял надежду на то, что мое сердце вновь начнет биться.

А в моей душе загорались чувства и искры. Увидев люби— мые глаза Саваша, я снова взяла его за руку и пошла вместе с ним. В этот серый мир, полный мрака и горечи переживаний, утрат и боли.

Мы шли вместе с Савашем, как раньше, по берегу моря, снова обнимаясь, улыбаясь и радуясь каждому счастливому мо— менту в нашей жизни. Казалось, что мы начали новую жизнь.

Доктор из последних сил продолжал спасать меня. Вскоре он сказал:
– У больной появился пульс! Дайте скорее пять милли— граммов атропина!

Вскоре о том, что произошло, узнал господин Мехмет Сорал, мой отец. Ему сообщила об этом госпожа Белькиз. Удивительно, но отец сильно испугался за меня. У него поднялось давление от паники. Он не задумывался, что станет с ним, если я умру. Умирает его единственная дочь? Что ему делать? Ведь эту ли— нию жизни он сам мне выбрал. Отец купил билет на ближай— ший рейс до Стамбула. На его душе было очень скверно, как никогда ранее. Эта сумасшедшая гордость и его бешеный нрав сразу куда—то исчезли. Он превратился в маленького ребенка. Каким бы человек ни был всесильным, он всегда останется простым смертным.

В больнице в комнате ожидания сидел Вурал вместе с гос— пожой Белькиз. Он все время плакал и твердил своей матери, что во всем происшедшем виноват только он сам. Что ему не нужно было соглашаться на этот брак. От этого не было ника—

кой пользы. Вурал считал себя виноватым во всем. Госпожа Белькиз сидела в инвалидном кресле и плакала. Приблизив— шись к сыну, она взяла его ладони в свои руки и сказала, смот— ря прямо ему в глаза:

– Здесь нет твоей вины. Виновата лишь только я одна. Ког— да я совершила этот проступок, я даже бровью не повела, спала спокойно по ночам и не сожалела о содеянном. Сейчас же я на тебя не могу спокойно смотреть. В том, что произошло, виновата только я.

Вурал удивленно спросил ее, что она имела в виду. Но гос— пожа Белькиз лишь только опустила глаза. С чувством вины она повторяла ему вновь и вновь:

– Знаешь, сынок, давай ты об этом узнаешь тогда, когда должен будешь узнать.

Прослезившись, она посмотрела в глаза своего сына и поду— мала: «Навряд ли ты об этом узнаешь. А если и узнаешь, то не простишь меня. Ты станешь таким же отдаленным, как и Каан. Между вами есть только одна разница. Ты знаешь, что я твоя мать, а он нет. Ты возненавидишь меня. А он нет».

1984 год. Сентябрь. Турция. Измир. Илдыр.
Молодая симпатичная девушка двадцати пяти лет стояла у причала, где рыбаки отправлялись в море. Девушка казалась печальной – вот уже третий раз за этот месяц она приходит сюда, держа в руках письмо и нежно лаская свой большой жи— вот: в ней была еще одна жизнь. Сильный морской ветер раз— дувал ее темно—каштановые волосы, а юбка у платья колыха— лась и облепляла ее ноги. Прохладный осенний ветер придавал ей уверенности в том, что Каан вернется. Она каждый раз пере— читывала это письмо, стоя на причале. Так и в этот раз, раскрыв конверт, вновь стала перечитывать его. На конверте было напи— сано – Белькиз. В самом же письме было следующее: «Люби— мая, милая моя Белькиз! Юный цветочек мой! Душистее тебя нет никого на этом свете. Сегодня я пишу это письмо, вдыхая аромат твоих волос, смотря в твои очаровательные глаза. Я узнал, что сильнее жизни люблю тебя. Эта ночь придала мне сил, что— бы похитить тебя и увезти далеко—далеко. Туда, где нас никто и никогда не найдет. Даже твой отец, господин Бора. Я не ска— зал тебе, что ухожу в рейс, только лишь потому, что наш капи— тан принял поспешное решение. Синоптики передали, что в море выходить рискованно. К нам поступил выгодный заказ, и мы сможем заработать на нем много денег. Я увезу тебя отсю— да. Господин Бора не сможет выдать тебя замуж за Охмета Усттона. Ты стала моей и останешься ею навсегда. Обещаю тебе — я вернусь, и мы поженимся. Я люблю тебя, Белькиз. С любовью,

твой Каан».

Прочитав это письмо, Белькиз опять начала страдать, пла—кать, то закрывая свои глаза, то открывая их. Она все смотрела в море, в надежде на то, что наконец—то увидит его катер. Но море лишь покрылось рябью на горизонте. Среди тех судов, которые были пришвартованы к причалу, его судна не было. Рыбаки разговаривали между собой и играли в нарды.

– О, опять эта девушка.

– Ты ее здесь уже видел?

– Да, видел. Она в третий раз сюда приходит и все читает свое письмо.

– Возможно, она ждет тут кого—то?

– Дай Аллах тому, кого она ждет, возвратиться из моря жи—вым и невредимым.

– Да, ты прав, брат, в такую погоду вернуться живым – это чудо.

– Шанс не потопить судно – один на миллион.

– Да, еще обещают ухудшение погоды на следующей неделе.

– Дай Аллах, чтобы они вернулись живыми.

– Аминь.

Белькиз вернулась домой вновь опечаленной. Дома госпо—дин Бора разговаривал с ее матерью – госпожой Сабихой. Они спорили и кричали друг на друга. Мужчина твердил только одно:

– Как только эта мерзавка родит этого щенка, ты сама лично отдашь его той женщине.

– Нет, я ни за что не отдам своего внука нищей! – кричала она.

– Нет, Сабиха! Ты отдашь его, этого ублюдка, Горкем! А если ты этого не сделаешь, то представь, что будет с нами, с нашим могущественным кланом? Он разрушится, как карточный дом, и враги, словно стервятники, вцепятся нам в горло из—за этого ублюдка. Ты готова все потерять, и даже свою жизнь, ради него?

Женщина увела свой печальный взгляд в сторону и, тяжело вздохнув, промолвила:

– Хорошо, Бора, мы отдадим его Горкем. Но обещай мне, что мы будем помогать ей в дальнейшем.

– Обещаю. Но прошу тебя, перестань менятъ свое решение и свыкнись с тем, что этот ребенок не наш. Не нужно к нему привыкать. У нашей дочери еще будут дети. Не волнуйся.

Господин Бора обнял госпожу Сабиха и добавил:

– Наша дочь испортилась из—за любви. Ну ничего, мы это исправим.

2011 год. Осень. Турция. Ван.

Савашь был бледным и мокрым от пота. Ему казалось, что он теряет свою единственную Бихтер. Он видел, как я свалилась в пропасть, встала и пошла к нему, взяла за руку, вернула его домой. В этот самый момент парень пришел в себя. Смотря на господина Чинара, он испугался и стал спрашивать:

– Где я? Кто вы? Где Бихтер, Юсуф, Керим, Топрак и Мель—тем? Где они?

Старик тяжело вздохнул и промолвил:

– Я Чинар. Так меня зовут. Парень, ты чудом остался жив, я притащил тебя к себе в дом. Сам Всевышний даровал тебе жизнь.

Хоть Савашь и был слаб, но, закрывая свои глаза, он все вспомнил в мельчайших подробностях.
В памяти у него промелькнула та самая картина. Он не вы—держал и заплакал, говоря лишь одно:

– Они все погибли из—за меня! Мой брат, друг, невестка и племянница. Они умерли за мою любовь к одной девушке. Она была помолвлена с другим. Они все умерли из—за нас. Моя семья умерла из—за меня.

Чинару от этих слов стало не по себе, он так же, как и Савашь, заплакал, взял настойку и дал ее выпить молодому человеку, успокаивая его. Он надеялся, что время залечит его раны.

Турция. Стамбул.

После попытки самоубийства я перенесла несколько серь—

езных операций. Я вернулась в этот кромешный ад нашей се— рой жизни. Мое тело было онемевшим, глаза смотрели в одну точку, руки и ноги были тяжелыми. От беспомощности я не могла плакать, говорить и улыбаться, но слышала, о чем говори— ли папа и госпожа Белькиз, слушать было противно, я от безыс— ходности закрыла глаза.

Господин Мехмет говорил о том, что ему очень плохо, что его дочь лежит здесь как будто мертвая, а он ничего не может сделать. А госпожа Белькиз ответила:

– Господин Мехмет, не все еще потеряно. Доктор сказал, что еще пара недель – и ваша девочка станет чувствовать свои руки и ноги. А через месяц, дай Аллах, она сможет ходить снова.

На мое удивление, последние слова госпожи Белькиз меня даже обрадовали, и настроение у меня поднялось.

Турция. Ван.

Тем временем Вурал прилетел в Ван. Мужчина приехал за Асу, он подошел к дому, держа букет белых роз, постучал в дверь. Девушка в это время разговаривала с сыном по теле— фону. Услышав стук, она попрощалась с ребенком, открыла дверь и увидела перед собой Вурала. Молодой человек улыбнулся и промолвил:

– Ты ждала меня?

Девушка улыбнулась ему в ответ. Ее переполняли чувства. Ей показалось, что если она прижмется к нему, то воспарит, как свободная чайка в небе. Асу кинулась ему в объятия. Вурал нежно обнял ее и прошептал ласково:

– Асу, как же я соскучился по тебе… Милая моя, любимая.

Счастливая девушка взглянула в глаза любимого человека:

– Если бы ты знал, как же я люблю тебя. Я думала, ты больше ко мне не подойдешь… После того как ты ушел, ни в чем не разобравшись.

Вурал прижал свой указательный палец к ее алым губам и прошептал:

– Нам нужно с тобой серьезно поговорить. Но это позже.

Он стал ее целовать, и они, словно алая роза и утренняя роса, слились воедино. Они спали, словно две окрыленные розы, пор—

хающие где—то высоко в небе, лаская друг друга нежными ле—
пестками своих бутонов.

Турция. Стамбул.

Шли недели, мое тело становилось все крепче и крепче.
Я чувствовала, как прибывали силы. С каждым днем мне стано—
вилось все лучше. По результатам последних обследований меня
выписали и вскоре привезли в особняк Устюнов. Доктор посо—
ветовал поместить меня в отдельную комнату. Там я смогла бы
отдыхать и разрабатывать свои руки и ноги.

В особняке Вурал каждый день заглядывал ко мне и даже
помогал с гимнастикой для ног. С каждым днем я все больше
и больше воспринимала его как благородного человека. Но мое
нахождение в этом особняке сильно огорчало госпожу Фереде.
Женщина почти потеряла покой и сон. Она все время говорила
Ясмин, чтобы она не заходила ко мне в комнату, потому что
я внучка убийцы ее родного отца. Фереде обвиняла меня при
каждой возможности. Господин Охмет все еще находился в боль—
нице. Доктора утверждали, что ничего хорошего ожидать не сто—
ит. С каждым днем состояние его становилось хуже. Госпожа
Белькиз не покидала стен больницы, женщина сидела у его
изголовья. Ибрагим вновь уехал в Венгрию. Несмотря на се—
мейные трудности, он вернулся к себе домой. Вурал поговорил
с Асу и Назан о переезде в Стамбул. Он купил им новый дом
в другой части города, чтобы Асу была как можно дальше от
особняка Устюнов. Вскоре девушки приехали в мегаполис. Явуз
тоже узнал, что Асу переехала из Вана в Стамбул, и помчался
вслед за ней. Савашь так же, как и я, поправлялся. Он пил
настойки знахаря, считая его своим отцом. После своего выздо—
ровления он узнал из газет, что Кималь вместе с моей матерью
погибли в автокатастрофе, а я вышла замуж за младшего брата

Кималя – Вурала, что господин Охмет находится в критичес—
ком состоянии в больнице. Но самое страшное – что его ищет
полиция и Интерпол Турции. Все утверждают, что это он убил
своих родных.

Однажды рано утром я проснулась и встала с кровати само—
стоятельно, пошла очень медленно на кухню для того, чтобы
приготовить себе чай. Как только я его приготовила, в кухню
зашла госпожа Фереде. Она гордо подошла к шкафу, будто спе—
циально толкнула меня плечом, хотела уйти, но я схватила ее за
руку и высказала ей все:

– Зачем ты так поступаешь, сестра Фереде? Что я тебе сде—
лала? Скажи мне, в чем моя вина? Разве я хотела выходить
замуж за твоего брата? Я умоляла, падала в ноги! Но твой брат

выбрал меня! Меня, понимаешь? Я стала жертвой древних обы—чаев!

Странно, но мои слова не подействовали на нее. Она стояла словно разъяренная тигрица, которая желала наброситься на меня. И она набросилась с колкими фразами:

– Ты виновата в том, что появилась на свет божий! В том, что это ты! В том, что ты внучка убийцы моего мужа! Из—за твоего деда у тебя тоже руки в крови! Ты вся залита кровью! Вся!

Брошенные фразы взбесили меня. Словно опять началась буря в тихом море. Я прокричала с огромной злобой:

– Не смей! Не смей мне говорить, что мои руки в крови! Если… Если сама не знаешь, в чем твои руки!

Я не видела, что в тот момент, когда я все это говорила, на кухню зашла маленькая Ясмин. Девочка шла за водой, как вдруг увидела, что я держу ее маму и словно рычу на нее. Малютка очень сильно испугалась и от ужаса схватила фарфоровый чай—ник с кипятком и швырнула его в меня с криком сквозь слезы:

– Убийца! Убийца, отпусти мою маму!

Как только чайник ударился об меня, от боли и жжения я отпустила Фереде. Ясмин в ту же секунду подбежала к матери и увела ее из кухни. Она смотрела на меня с глубокой ненави—стью, словно ядовитая змея, которая хотела ужалить.

Кипяток ошпарил мне стопы. К сожалению, я только начала ходить, и тут такое. Мои ноги сковала боль, и мне было невыно—симо идти. От обиды и боли я села возле осколков этого злопо—лучного чайника и тихонько заплакала. В моей голове проматы—вались слова этой маленькой девочки: «Убийца, отпусти мою маму!» Смотря на разбитый фарфор, я подумала: «А возможно, Ясмин и права. Я убийца! Ведь из—за меня погибло столько людей, из—за меня. Я принесла в этот дом одни лишь страдания и смерть». От злости я ударила рукой по этим осколкам и не заметила, как порезала руку. Я не ощущала физической боли, я чувствовала, как у меня болит душа из—за мук, мои глаза плакали, моя боль выходила вместе со слезами на волю, чтобы испариться и улетучиться далеко—далеко, туда, где никого нет.

В это время Вурал только что вернулся из больницы мрачнее грозовой тучи. Когда он проходил мимо кухни, то услышал, как я плакала там. Заглянув туда, молодой человек увидел кровь, ос—колки разбитого чайника, мои обожженные ноги. Вурал посмот—

рел в мои несчастные глаза, присел рядышком и спросил меня:

– Бихтер, что случилось? Почему ты одна и к тому же в крови?

Вытирая слезы с глаз, я ответила с грустью в голосе:

– Просто твоя невестка и племянница считают меня убий— цей. Они говорят, что мои руки в крови. А знаешь, Вурал, это еще нужно посмотреть, чьи руки залиты кровью. Мои или ваши? Если бы она знала то, что знаю я, она бы молчала и не заставля— ла бы свою дочь нести этот бред.

Удивительно, но Вурал так расчувствовался, что обнял меня и сказал очень плохую весть:

– Одна беда не приходит в ворота.

Его слова меня насторожили, и я спросила:

– Что—то произошло?

Я по сей день помню, как он посмотрел на меня. В его взгляде была такая тоска и печаль, что в моей груди сжималось сердце. Он сказал эти слова так тихо и осторожно, что на моем месте никто бы не остался равнодушным к нему.

– Папа умер три часа назад.

Мне было искренне жаль его. Я понимала его как никто другой. Я прижала его к груди и сказала:

– Поплачь, не стесняйся никого. Эта рана все равно будет кровоточить. А слезы ее промоют, и она немного затянется.

Так одиноко мы просидели еще долго, до тех пор, пока Ву— рал не успокоился. Потом он отнес меня в мою комнату, при— жимая к груди. Он посадил меня на кровать и взглянул в мои голубые глаза, словно пытался в них найти что—то такое, что могло успокоить его. Но потом увел свой взгляд украдкой вниз. Снова посмотрев на меня, он сказал очень печально и горестно:

– Спасибо тебе. Ты даже не посмотрела на то, что из—за меня ты страдаешь и мучаешься. Ты успокоила меня. Забыв про свою боль, ты утешила мою.

От таких слов моя душа запела. И я ему сказала:

– Мы все люди. Все чувствуем и знаем чувство потери

близкого тебе человека. Особенно, если их несколько.

Вурал улыбнулся и вновь нежно взглянул на меня, а после опечаленно и неохотно вышел из моей спальни. Если честно, мне немного показалось, что он что—то почувствовал ко мне. Иначе зачем ему смотреть в мои глаза?

Иногда мы своими поступками меняем свое будущее и бу—дущее окружающих нас людей. Одним взглядом мы подаем знак о своих чувствах и намерениях. Так же и Вурал незаметно своим взглядом кольнул меня прямо в сердце.

Выходя из спальни, Вурал встретил Фереде. Женщина сразу же кинулась на него, стала кричать что есть мочи:

– Что ты за низкий человек! Как ты можешь смотреть на нее и тем более говорить с ней! Плакаться ей в рубашку! Ты, наверное, забыл, что эта девушка – внучка нашего врага!

– Не смей! – озлобленно вскричал Вурал и влепил ей пощечину. В это время из спальни выскочила малютка Ясмин с криками:

– Дядя, не смей бить маму из—за этой убийцы! Я ненавижу тебя, дядя, ненавижу!

Детский вопль и плач словно парализовали мой разум. Крик «убийца» еще больше ранил мое сердце. Я сидела и плакала, думая: за что мне, господи, за что? За какой грех мне выпало столько мук? Малютка Ясмин кинулась с кулаками на своего дядю. Вурал не понимал, откуда девочка набралась такого. Он прослезился, взглянув в заплаканное лицо своей невестки, и задал ей вопрос, который задел ее гордость:

– Невестка, ты этому учишь ребенка? А—а—а? Ну—ка, живо отвечай!

Фереде озлобленно подошла к Вуралу очень близко, прижав к себе дочь и глядя ему в глаза, сказала:

– А разве это не так? Из—за ее деда умер мой муж, если ты не забыл, то этот человек был тебе братом. А из—за нее погибли Кималь и папа Охмет. Так что она – убийца.
После женщина вновь зашла к себе в спальню, а Вурал так и стоял в стороне. Он думал о той несправедливости ко мне. И что—то еще трогало его душу, когда он смотрел на приоткры—тую дверь в мою комнату. Казалось, что одна часть его души кричала: «Иди к ней и прижми ее к груди покрепче». Другая же твердила: «Не смей! Эта девушка – внучка твоего врага!

Она приносит только смерть и больше ничего!» Молодой чело— век словно стоял на перепутье дорог. Чтобы еще больше не запутаться в самом себе, он решил уйти и поспать у себя в комнате.

Сегодня на улице было ужасно холодно. Начало морозной зимы уже близко. С самого утра с неба срывался то дождь, то снег, была ужасная слякоть на дороге. Солнце практически не появлялось из—за хмурых дождевых туч. А прохожие в Стамбуле бежали с красочными зонтиками, словно муравьи, убегающие от непогоды, скрываясь под зонтом, как под грибом.

Турция. Ван.

Знахарь Чинар жил в старой обветшалой хибаре, она была такой же старой, как и ее хозяин. Но в ней было очень тепло, несмотря на холодное время года. Хижина одаривала всех своей теплотой и уютом, горячим чаем из чабреца, приготовленного знахарем. Дровяная печь, стоявшая посередине комнаты, обогре— вала весь дом, в котором было всего две комнаты. Савашь уве— ренно шел на поправку, он даже стал самостоятельно переме— щаться по комнатам. Господин Чинар принял его как сына. Ведь его собственный сын пропал. Девушка, которую он любил когда—то больше всего на свете, отдала их сына, тем самым унич— тожив душу этого человека. Знахарь почувствовал в этом парне что—то родное и привязался к нему. Рана Саваша стала поти— хоньку затягиваться. Но душевная рана до сих пор ныла и кро— воточила. Бывали такие моменты, когда он хотел покончить с собой. Его спасало то, что старик вовремя возвращался домой. Вот и сегодня господин Чинар отправился за веточками одного кустарника. Это растение было нужно для настойки, которая укрепляет мышцы в теле. В тот момент Савашь еще спал глубо— ким сном. Из—за травяного отвара он проводил во сне много времени. Когда он спал, ему снился странный сон. Словно бы он стоял на берегу моря, пытаясь крикнуть, но себя он даже не слышал. Савашь видел корабль, который уплывал в открытое море, там был ужасный шторм. В море образовалась воронка, которая вбирала в себя все, что было вокруг нее. Он увидел, что на борту этого судна стояла я. Я была одета в белоснежное платье. Савашь попытался закричать, но у него ничего не полу— чалось. Его душа погружалась в пучину этого бескрайнего моря. Он смотрел на то, как корабль затягивает темная пучина моря. Я стояла и смотрела за борт. Неожиданно сзади ко мне подошел Вурал. Мужчина обнял меня, я стала отбиваться, но вдруг при— жалась к нему еще сильнее. Савашь оцепенел и смотрел, как его любимая с этим подонком погрузилась в пучину моря. Корабль затянуло в воронку и разрушило.

Савашь в ту же секунду открыл глаза и проснулся в холод—

ном поту. Он никак не мог понять смысл этого сна, тихонечко встал с кровати и направился в ванную. Зайдя в нее, парень подошел к старому зеркалу и взглянул на свое отражение. У него выросла борода, волосы на голове тоже стали длиннее. Теперь его и родная мать не узнала бы, да и он сам себя не узнал бы. Савашь стоял и думал про себя: «Зачем я только приехал к тебе в тот день? Из—за тебя погибла вся моя семья. Однако от любви до ненависти один шаг. Ты сделала свой выбор. А теперь моя очередь, и я выбираю ненависть. Ненависть к тем, кто повинен в смерти родных мне людей. Всех без исключения».

Сегодня в особняке было очень мрачно и шумно. Утром люди из клана Устюнов узнали ужасную новость, что глава клана, Охмет Усттон, скончался. Сотни человек съехались в особняк для того, чтобы выразить свои соболезнования, для того, чтобы лично проводить господина Охмета в последний путь.

Крики и плач доносились ко мне в комнату. От сильного шума по моему телу пробежали мурашки. На глаза наворачивались слезы, мне было жаль всех этих людей. Ведь десять тысяч человек остались без лидера, только Аллах знает, сколько хорошего он сделал своему народу. Чаша весов справедливости взвешивала то добро и то зло, которое он сотворил. Куда он отправился: в ад или в райский сад. Мои ступни сильно болели, в некоторых местах на ногах появились волдыри. От этой ужасной боли и криков в доме мне тоже хотелось кричать. Я смотрела на приоткрытую дверь и ждала, что ее кто—нибудь закроет. Но тут вдруг ко мне в комнату ворвалась сестра Фереде. Женщина нервно схватила меня и стала хлестать по щекам с криками:

– Ты добилась своего! Добилась, да? Несчастная, ты приносишь одни только горе и несчастья!

Моя голова раскалывалась от боли, и я плакала. А она продолжала меня бить вновь и вновь с криками:

– Разве ты еще умеешь плакать? Убийца! Убийца! Убийца!

Потом женщина перестала меня бить и просто плюнула в меня и ушла из комнаты. Мое лицо снова было все в крови, голова болела еще сильнее. Я не знаю, как прошли похороны, все это время я лежала дома. Сопротивляясь боли, я так и не смогла заснуть и все ворочалась и ворочалась в своей постели. Боль не умолкала весь день и всю ночь. Я промучилась, лежа в одиночестве в ледяной постели. Дома, как назло, никого не было. Даже слуги улетели на похороны главы клана, господина Охмета. Я все же надеялась, что дома кто—нибудь остался. Я кричала и звала, чтобы хоть кто—то подошел ко мне, но никто не отзывался на мои крики. От невыносимой боли в голове

и ногах я встала с кровати; поднявшись на ноги, ощутила еще большую боль, отчего заплакала. Делая маленькие шажочки, держась за стену, я вышла из комнаты, дошла до винтовой лестницы и, схватившись за перила, зарыдала еще сильнее. В моих глазах потемнело, в ушах появился шум. Боль словно подкашивала мои ноги. Спустившись до середины лестницы, я не удержалась на ногах и упала, потеряв сознание. Я лежала на лестнице головой вниз, при падении разбив себе лоб.

Асу и Назан наслаждались жизнью, приехав в Стамбул. Они гуляли по городу и упивались каждой минутой. Им не приходило в голову, что кому—то может быть плохо в это время, даже, можно сказать, ужасно. Девушки посещали все достопримечательности Стамбула. Они ходили по магазинам, покупая всякие мелочи для дома. Асу совсем позабыла про Вурала. Она даже не позвонила ему и не заговаривала о нем. Девушки зашли в кафе, уставшие и измученные, они уселись за стол, смотрели друг на друга и смеялись. Назан засмеялась еще сильнее, вызывая тем самым интерес у Асу:

– Назан, что—то не так?

Девушка, не переставая смеяться, лишь показывала пальцем на Асу. Достав зеркальце из сумочки, Асу посмотрелась в него, но ничего странного не обнаружила. Наконец она промолвила:

– Кажется, мы с тобой сегодня весь Стамбул скупили. Посмотри.

Девчонки взглянули на свои пакеты, которые лежали возле них. Они тут же засмеялись опять. Мелочей они накупили сорок два пакета.

Потом к ним подошел официант, и они заказали два кофе, чтобы согреться.

Несмотря на холод, Явуз стоял недалеко от кафе и наблюдал за ними, в его глазах не угасала надежда, он все стоял и смотрел на счастливое лицо Асу и, прослезившись, промолвил:

– Если бы ты тогда знала, кто такая была Нехал, то мы бы сейчас были все вместе. Ты, я и наш малыш сынок. Плод нашей короткой любви.

После того как девушки допили кофе, они вышли из здания довольные и радостные. К ним сзади подошел Явуз. Мужчина схватил за руку свою любимую. Она испуганно оглянулась и, увидев перед собой Явуза, закричала:

– Что тебе нужно? Отпусти меня, мне больно!

Назан, недолго думая, достала свой мобильный телефон и прокричала:

– Явуз, клянусь тебе! Если ты сейчас же не отпустишь ее, я вызову полицию!

– Да я ее не боюсь, лишь кое—что сделаю и уйду!

Молодой человек в ту же секунду поцеловал девушку и ушел. Асу стояла как заторможенная, она будто завороженная смотре—ла ему вслед.

– Асу, ты в порядке? – спросила ее Назан.

– Со мной все нормально. Пошли домой.

– Ты права, Асу. На сегодня хватит уже гулять.

Девушки посмотрели друг на друга и отправились в свой новый дом.

1985 год. Май. Турция. Каппадокия. Ургуп.

Этот день был как никогда солнечным и ясным. Нехал поли—вала цветы и наслаждалась утренним лучистым солнышком. Юная девушка проживала совсем одна. Бывшая воспитанница Стам—бульского детского дома, она поселилась в Ургупе, где сначала снимала жилье и работала не покладая рук, потом купила себе скромный домик на окраине городка, посадила превосходный сад из разных сортов роз и других цветов и наслаждалась уходом за ними и запахами цветущего сада. Эти чудесные ароматы напо—минали ей детство в семье. Мама, папа, брат и она. Но счастливая и безмятежная жизнь закончилась, когда ее родители погибли в автокатастрофе. Тогда девочке было всего пять лет. Именно с тех пор она воспитывалась в детском доме. Никто даже и не задумывался о том, что она уехала из Стамбула из—за одного человека. Несчастная девушка забеременела от Мехмета Сорала, сыночка богатых родителей, который безумно полюбил ее. Теряя голову, он бросился в огонь и опалил свои крылья. Он чуть не погубил любимую и ее будущего ребенка. Нехал не знала, что Мехмет ничего не сказал своим родителям про нее. В тот день, когда она пришла к ним в дом, чтобы войти туда невестой Мех—мета, его отец и мать воспротивились этому. Господин Неджат сразу пригрозил девушке, что если она не уедет из Стамбула и не исчезнет из жизни его сына, то она не останется в живых. Несча—стной девушке ничего не оставалось, как в панике и страхе за

свою жизнь и жизнь своего малыша уехать из Стамбула. Она уехала в Каппадокию и поселилась в Ургупе. Когда Мехмет узнал, что она уехала, он назло ей женился на Назлы Элмаз. А спустя семь месяцев Нехал родила девочку и назвала ее Бердже, в честь своей матери. Вскоре у Мехмета Сорала родился первенец – сыш, которого он назвал Эрдоган. Потом появились Бихтер, Эшлейф и Намык. Нехал из газет узнавала о том, что происходит в жизни Мехмета. Она плакала, когда читала новости о нем.

2011 год. Турция. Ван.

Перед тем как улететь в Стамбул, Вурал вновь пришел к своему отцу на северное кладбище. Он присел рядом с его могилой и, плача, прошептал:

– Видишь, папа, я плачу над твоей могилой. Знаю, ты сейчас сказал бы мне: «Все, перестань, Аллах обидится и накажет тебя». Но я не могу не плакать. Слезы. Слезы, они льются. Льются с горечью по моей щеке. Даже этот холод не может затушить жар внутри. Эта пустота, которую ты оставил после себя, с каждой минутой прибывает все сильнее и сильнее, словно опустошает целый океан, а я, как тот дельфин, барахтаюсь в лужице, которая вот—вот испарится. Отец, что я буду делать без тебя? Как я смогу управлять всеми делами, которые ты оставил? Ибрагиму и дела нет до всего этого. Можно подумать, что он не член нашей семьи.

Тут молодой человек взглянул на свои часы и добавил:

– Уже семь тридцать. Отец, мне нужно ехать домой, в Стамбул, к жене и всем другим проблемам. Но знай, я всю жизнь буду душой и мыслями с тобой.

Вурал в последний раз взглянул на могилу и медленно направился к своей машине.

Госпожа Белькиз была обеспокоена, она плакала и все время думала о чем—то. Ее задумчивость пугала Фереде. Женщина ни на шаг не отходила от своей свекрови. А малютка Ясмин ничего не понимала, находясь возле матери, она лишь оглядывалась по сторонам. Госпожа Белькиз вспоминала свое прошлое, вспоминала, что она бросила в Илдыре. Женщина не просто оставила там часть себя, но оставила и душу где—то там, в пучине моря. После того как погода успокоилась, Белькиз узнала, что судно, на котором плыл ее любимый, потерпело крушение. Погибли все члены команды. В тот момент женщина чувствовала еще больше боли, чем сейчас.

Савашь читал газеты, которые накопились в доме у знахаря

Чинара за все это время. Из них он узнал, что Бихтер Сорал вышла замуж за Вурала Устюна. От ревности он захлебывался злобой и яростью, с гневом он разодрал эту газету с криками:

– Как ты могла так с нами поступить?! Обещала быть всегда со мной, а сама вышла замуж. Лучше бы я умер, чем принять от тебя такое предательство!

Но, заметив половинку оборванного заголовка другой газе— ты, он прочитал его. Возле фото Бихтер была надпись: «Неуже— ли это попытка суицида или несчаст…». «Как известно, госпожа Бихтер… Выпала из автомобиля своего мужа на большой ско— рости. Возможн… Странно, но двери автомобиля были исправны. Возможно, это была попытка суицида на почв… Родственники комментариев не дают. Ее отец, Мехмет Сорал, обеспокоен слу— чившимся… Пока известно, что госпожа Белькиз парализ…».

Из этих обрывков фраз он понял все. Огонь надежды заго— релся в нем снова. Савашь понимал, что был несправедлив ко мне. Он аккуратно и нежно оторвал фотографию любимой женщины, со страстью прижал ее к груди и сказал:

– Прости… Я не знал. Не знал, что ты пыталась умеретъ из—за меня. Обещаю тебе, я отомщу за нашу любовь.

Турция. Стамбул.

Вурал вместе со всеми прилетел в Стамбул. Он обеспокоен— но посмотрел на мать и спросил ее:

– Мама, ты звонила Бихтер? Кто остался с ней дома?

Женщина в ужасе посмотрела на своего сына и воскликнула:

– О Аллах, я совсем забыла про нее! Сыночек, если честно, то я не знаю, кто остался с ней.

Вурал возмутился:

– Мама, 0 чем ты говоришь? Как ты не знаешь, кто остался с моей женой? Мама, ты что, забыла, что Бихтер больна?

– Можешь не беспокоиться, братец, хоть она и одна, но сама отлично справится. Если не веришь, поедем быстрее домой и убедишься в этом сам,– добавила госпожа Фереде.

Вурал всю дорогу до дома названивал мне по телефону. Но я была не в состоянии взять трубку, поэтому в его телефоне шли длинные гудки.

Вурал нервно дергал руль и жал на педаль газа, его машина с сумасшедшей скоростью неслась домой. Госпожа Белькиз, ис— пугавшись, стала просить сына, чтобы он сбавил скорость.

– Милый, я прошу тебя, сбавь скорость! А то мы разобьемся!

– Мама, не бойся! Мы должны приехать домой как можно быстрее. Чувствую, что—то произошло с Бихтер,– взволнованно ответил Вурал.

Фереде обняла свою дочь и задумалась. «Мой милый Аллах, лишь бы с ней ничего не случилось. Не думала, что буду так за нее волноватъся». Наконец—то они приехали домой, молодой че— ловек в ту же секунду ринулся к дому, открыл дверь и побежал наверх по лестнице. Он увидел меня, лежащую на полу. Я была без сознания, лежала с окровавленным лицом. Вурал сразу же взял ледяное тело на руки и отнес в спальню. Напуганный, он присел рядом и стал хлопать ладонями по моему лицу.

Неожиданно я почувствовала прикасания к своему телу. Когда я открыла глаза, то увидела перед собой склоненного Вурала. Смотря на него, я заплакала и спросила:

– Где ты был? Почему оставил меня одну в этом доме? Да будь ты проклят, Вурал Устюн!

Он посмотрел в мои глаза, а после ответил мне:

– Аминь!

После этого дня я пошла на поправку. Ноги мои почти восста— новились. Но моральное состояние было ужасно подавленным. Этот особняк казался мне золотой клеткой, а я словно канарей— ка, закрытая в ней, которая попыталась вырваться наружу из этой западни. Мои хозяева не хотели меня выпустить на волю и все сильнее прятали от чужих глаз.

Вурал все так же ездил к Асу, наслаждался временем, прове— денным с ней, а после возвращался домой. Девушка все ждала и надеялась, что он сделает ей предложение. Но Вурал не соби— рался этого делать. Он словно потерялся, запутался. Каждый день он приезжал на берег пролива, чтобы подумать, стоило ли все того или нет. «Неужели я стою во главе такого огромного клана? Я, Вурал Усттон. Какой огромный холдинг свалился мне на плечи. Давят на меня со всех сторон. Не знаю, что от меня нужно всем этим людям. Не знаю, какой товар, не понимаю. Иногда мне кажется, что меня загоняют в угол. То работа, то клан, то Асу, то Фереде и Бихтер. Сейчас ей намного хуже, чем

мне. Невестка называет ее убийцей, она вышла за нелюбимого. Неужели до конца своих дней она будет меня проклинать? Я должен буду расположить ее к себе как можно лучше. Стать для этой девушки надежной опорой».

В особняке Устюнов было шумно, все женщины готовили всякие вкусности. На первом этаже Вурал устанавливал елку. Мне тоже хотелось чем—нибудь заняться и помочь. Я впервые встала на свои изувеченные ноги уже уверенно. Они почти совсем не болели, я шла на поправку все быстрее и быстрее. Когда я спускалась вниз, то увидела, как Вурал устанавливает елку возле старинного камина. Осмелившись приблизиться к нему, я решила спросить у своего мужа:

– Вурал, можно тебе помочь?

Он очень сильно удивился и, глядя на меня, поставив елку на подставку, поднялся с корточек. Вурал не мог поверить сво—им ушам и глазам. Смотрел удивленно на меня, и казалось в тот момент, что радость переполняет его душу. Потом он сказал:

– Можешь помочь украсить елку. Если, конечно, тебе будет это не трудно.

У меня даже на душе стало легче, моя помощь хоть кому—то в этом доме понадобилась. Я радостно принесла коробки с елоч—ными игрушками с чердака. А Вурал заодно захватил мишуру и гирлянды. Молодой человек не отводил глаз от меня. Каждую минуту он пытался сблизиться со мной. Я увидела золотой шар

с рисунком сердца и взяла его. Только я захотела повесить его на веточку, как Вурал тоже захотел его взять и коснулся моей руки. У меня сильно забилось сердце. Взволнованно я перевеси—ла игрушку на другую ветвь елки. А Вурал так и смотрел, не отводя глаз, и все думал: «О Аллах, что со мной? Мое сердце словно вырывается из груди! Почему я не могу отвести глаз от нее? Что со мной?» Потом я взяла другую игрушку в руки и задумалась: «Он мой враг. Он мой враг. Ты любишь Саваша, а не Вурала, держи себя в руках и не теряй головы».

После того как мы украсили елку, я поднялась к себе. По—дойдя к шкафу, я сняла с себя привычную рубашку с водолаз—кой и брюки. Смотря на белоснежное коктейльное платье чуть выше колена, я решила надеть именно его. Вскоре я накрасилась, закрутила волосы, надела украшения из белого жемчуга. В об—щем, я смотрелась словно Золушка, которая собралась на бал. Посмотрев на часы, я увидела, что уже было 23.20. На первом этаже все собрались, кроме меня. Вурал увидел, что мое место пустует. Он немного приподнялся, поправил свой черный пид—

жак и попросил:

– Нужно сходить за Бихтер.

Чувство ярости и гнева пронзило госпожу Фереде. Ей была невыносима даже мысль, что я буду сидеть за одним столом с ней. Женщина от злобы и обиды прокричала:

– Не смей идти за ней!

Она озлобленно смотрела в глаза Вуралу точно так же, как смотрела на нее сама госпожа Белькиз, которая гневно промол— вила, глядя на нее:

– Не смей! Бихтер тоже член нашей семьи!

Встав из—за стола, сестра Фереде взглянула сначала на свек— ровь, потом на зятя и воскликнула:

– Эта женщина не сядет за один стол со мной! Либо я уйду, либо она! Решать вам!

Госпожа Белькиз еще сильнее взбесилась, ударив кулаком по столу, и прогремела:

– Не хочешь сидеть? Не сиди! Тогда пошла вон отсюда!

– Мама! – воскликнул Вурал.

– Хорошо. Я уйду! – гордо ответила Фереде.

– Невестка! – воскликнул Вурал.

На его возглас женщина ничего не ответила и пошла на— верх. В этот момент я изящно спускалась по лестнице встречать Новый год, увидела разгневанную Фереде и остановилась, что— бы спросить ее, что произошло. Как вдруг она вновь наброси— лась на меня с криками:

– Мерзавка, это все из—за тебя! Из—за тебя, убийца! Убийца!

На крик женщины Вурал вместе с госпожой Белькиз тут же отправились к лестнице. Фереде беспощадно била меня. Я не удержалась и рухнула вниз, скатившись по ступенькам прямо в ноги к Вуралу. Я осталась в сознании благодаря тому, что мы с Фереде встретились на нижних ступенях лестницы. На моем платье виднелась алая кровь, но, в общем, я была в порядке.

После того как Фереде сообразила, что наделала, то побежала

вниз посмотреть на плод ее творения. Через боль и обиду я все же поднялась, бесстрашно смотря ей в глаза. Казалось, что я как помятая трава. Ее мнешь, а она опять вырастает и поднимается, тянется к теплым лучам солнышка. Не знаю, что тогда со мной произошло, но мой рассудок помутился. Увидев на столе сереб— ряный нож от сервиза, я схватила его и приложила к своему горлу. Приказным голосом я сказала:

– Вурал, прикажи охране открыть ворота. Если вы этого не сделаете – я убью себя!

Но Вурал и не собирался меня слушать. Просто подошел ко мне и попытался забрать нож. Я нечаянно его зацепила, нанеся глубокую рану на его плече. Испугавшись крови, я выбежала на улицу. Я знала, что задний двор не охраняется, и побежала туда.

Как назло, на улице был невыносимый холод. Выпало очень много снега. Пробираясь через эти сугробы, я сломала каблуки. Мне пришлось снять туфли и бежать босиком по режущему снегу. От леденящего холода тело сводило судорогой, от мороза болели ноги. Как только я перелезла через забор, мое сердце и душа затрепетали. Я бежала куда глаза глядят.

Вурал очень болезненно вытащил нож из своего плеча. По— том он посмотрел на испуганные лица домашних и промолвил:

– Что смотрите? Девушка просто защищала себя! Кстати, где она?

Госпожа Белькиз с ужасом ответила ему:

– Не знаю, сынок!

– Не беспокойся, зять, я видела, как она выскочила на улицу в платье. Ничего страшного, когда она окоченеет, то зайдет в дом,– пробормотала угрюмая Фереде.

– Что? – в два голоса прокричали сын и мать.

В гневе и растерянности Вурал выскочил во двор и прика— зал охране найти меня хоть из—под земли. Его люди нашли лишь окровавленные следы на заднем дворе и туфли со сло— манными каблуками. Увидев кровь на снегу, Вурал испугался, сел в свой автомобиль и поехал на мои поиски.

Конечно, мне было страшно и ужасно холодно. Я шла вся расстроенная, в крови, по ночному новогоднему Стамбулу. Ког— да я встречала счастливых людей, которые вышли на улицу для того, чтобы запускать салюты, мне становилось теплее. Когда

я шла, то практически не чувствовала ступни. Сбив их в кровь, я продолжала идти вперед.

Вурал вместе с телохранителями объезжали каждую улицу, каждый проулок Стамбула, но так и не могли найти меня. Молодой человек так испугался за мою жизнь, что даже не замечал боли от нанесенной мной раны. Он лишь только тщательно осматривал каждого прохожего в темноте на улице.

Сквозь этот невыносимый мороз я все же добралась до пролива. Мое тело тряслось от холода, я присела на скамью и стала смотреть на морскую воду. Я заплакала, с одной стороны, от радости, с другой – от обиды. Мне казалось, что в этой спокойной пучине я смогу похоронить все свои беды и печали, справиться с невыносимой болью в моем измученном теле и в сердце, наконец—то освободиться от оков рабства. Я встала и подошла к краю пирса, смотря на море. Мне казалось, что подо мной огромная пропасть. Распахнув руки, словно крылья, я бросилась в ледяную морскую воду. В это время мимо пролива проезжал Вурал и заметил меня; выбежав из автомобиля, он прокричал мне:

– Бихтер! Бихтер!

Подбежав к берегу, он увидел, что морская пучина уже поглотила меня, и, не побоявшись ледяной воды, бросился за мной в море. Он увидел под водой белоснежное платье и плыл на его сияние. Наконец, он настиг меня и схватил за руку под водой. Вытащив из ледяной воды всю окоченевшую, он в ту же секунду стал делать мне искусственное дыхание. Почти вся надежда, что я осталась жива, у него исчезла. Вурал склонился надо мной и заплакал от печали и чувства вины. На часах пробило двенадцать, и в небо запустили разноцветные сияющие и сверкающие салюты. Все небо сияло лучистыми огнями. Вурал плакал над моим телом, лаская мое лицо, и говорил:
– Любимая, прости меня! Я тебя не защитил, позволил тебя унижать! Прости!

После этого прижал меня к себе, ему показалось, что все, что было у него,– сгинуло в былых ненастьях, но если случится нечто тревожное и размыкающее его с пропащим прошлым, тогда жизнь, еще необходимая ему, вновь расцветится красками, словно тот карнавал, что отшумел на пороге зрелости. Неожиданно я открыла свои глаза и сильно закашляла, стуча зубами, промолвив:

– Зачем ты меня спас? Ты мог погибнуть сам.

Никто не мог бы поверить, что Вурал от радости поцелует

меня в губы. И я, на удивление, даже не сопротивлялась этому, лишь потому, что очень сильно замерзла. Именно в эту ночь, в машине Вурала, около пролива, под грохот салютов, между нами и произошла та самая близость. В ту же секунду я почув— ствовала, что люблю его, что мое сердце принадлежит только ему, хоть оно и было разбито навеки. В тот самый момент я не знала, что он любит другую женщину. Но почему он это сделал, я до сих пор не понимаю. Ведь он спас меня лишь по одной причине. И эта причина – мой отец и его мать. То есть — обязательство перед кланом!

Люди возбужденно расходились по домам, еще продолжая спорить между собой, сталкиваясь в дверях, на улице и возвра— щаясь обратно. На улицах не было ни одной бродячей собаки, все они попрятались в подвалах домов, поскуливая от грохота салютов. Когда наступило утро, Вурал привез меня в особняк, в этот каменный дворец. Спящую, он занес меня в эти камен— ные стены. А госпожа Белькиз и Фереде ждали, словно на игол— ках, смотрели на часы и переживали с тревогой. Когда женщи— ны увидели меня и Вурала мокрых и замерзших, они сильно испугались, а госпожа Фереде сразу задрала свой длинный нос к потолку. Но ее душа искала прощения за то, что она сделала. Чувство вины ее вновь сделало злой. Госпожа Белькиз подъеха— ла на своем инвалидном кресле к сыну и спросила его:

– Вурал, сыночек, что случилось с вами?

Он остановился, потом посмотрел на меня и на мать и отве— тил ей:

– Ничего. Мы просто решили искупаться в Босфоре, а по— том мы заснули.

– Что? – испуганно воскликнула госпожа Белькиз.

– Мама, не кричи, Бихтер разбудишь,– прошептал Вурал, поднимаясь вверх по лестнице.

Вурал зашел в спальню, положил меня на кровать, укрыл двумя одеялами и ушел. Потом он переоделся и вновь ушел к своей любимой, оставив меня одну на этой печальной кровати.

Турция. Ван.

Савашь совсем окреп, а знахарь Чинар помог ему с доку— ментами. Он смело выехал из Вана в Стамбул, но перед этим сказал знахарю:

– Отец, я никогда не забуду твоей доброты. Моя семья по—

гибла. Никого не осталось. А ты заменишь мне родного отца.

После этих слов он обнял старика, и тот сказал ему в ответ:

– Если честно, то я в жизни никогда не встречал такого, как ты. Ни к кому так сильно не привязывался, как к тебе. Именно в тебе, Савашь, я увидел сына, которого у меня никогда не было. Ты навсегда теперь будешь моим сыном… Сынок.

Мужчина дал ему немного денег и мобильный телефон, в надежде, что он будет ему звонить.

На улице становилось все холоднее и холоднее. Ведь на ка— лендаре было уже 31 декабря.

В этот же день Савашь прилетел на самолете в Стамбул. Он держал в руках рюкзак, который ему дал знахарь. Парень шел по улице, грустно рассматривая разукрашенные витрины магазинов, кафе, баров и ресторанов. Проходя мимо огромного здания, он прочитал вывеску и пришел в бешенство. Холдштг «Устюн». Смотря на эту вывеску, он вспомнил, как однажды он сидел со мной на том самом месте, где убили его семью. Мы сидели и беседовали, смотря друг на друга. И я тогда сказала ему:

– Савашь, мой отец получил выгодное предложение от хол— динга Устюнов. Кажется, скоро эта кровная вражда закончится, и мы вздохнем спокойно.

– Дай Аллах. Любимая, я рад за вас. Надеюсь, тогда я приду свататься за тебя, и твой отец одобрит меня как зятя.

Смотря в его глаза, я ответила:

– Любимый, пускай даже и не одобрит. Сбежим… Сбежим вместе. Не расстраивайся.

Мы улыбались, смотрели друг на друга и поцеловались, а нежный весенний ветерок нежно развевал мои блестящие волосы. Волосы той самой девочки из моей прошлой жизни. Спустя три месяца мы встретились. Я была серьезно опечалена и взволнована, едва сдерживала слезы, смотря на своего люби— мого. Савашь сидел около меня и нежно вытирал с моего лица слезинки. Тогда он осмелился спросить. Именно та самая моя фраза изменила его судьбу. Он надеялся только на одно. Но вышло совсем по—другому. Я заплакала, смотрела молча на него.

– Что—то случилось, любимая моя? Ты позвала меня и ска— зала, что это срочно.

– Позвала. Моя жизнь разбита, словно… Словно она ничего теперь не стоит. Мне даже кажется, что я вещь, которую можно купить или продать. Скажи, почему именно наша любовь долж— на страдать?

Молодой человек удивленно взглянул в мне в глаза и про— молвил:

– Что случилось, Бихтер? О чем ты говоришь? Я тебя не понимаю. О чем ты?

Я резко вскочила, взяв небольшой камень с земли, и сказала:

– Меня выдают замуж за Кималя Устюна. Родители реши— ли пожертвовать меня, как барана. Это невыносимо. Знаешь, Са— вашь, человек быстро привыкает к боли. Я узнала это благодаря родным. Мне настолько больно, что я не вижу в этом смысла. Я не вижу смысла жить дальше. Ладно, не обращай внимания.

После сказанных слов я швырнула этот камень в воду, и зеркальная гладь воды покрылась рябью. Но груз этого кам— ня так и остался на душе у Саваша.

Вот вновь название этого холдинга поразило разум молодо— го человека. Он все шел и шел, видя перед собой любимую и читая ей стихи: «Не думай, что я забыл о тебе. Если волны бьют о скалы. Они наступают и отступают. Не думай, что я умер, и не плачь. Хотя я бы отдал все ради одной твоей слезы…» Потом Савашь увидел гостиницу, снял номер, зашел в него и, совсем уставший, лег на постель. Время тянулось медленно, словно черепашка, плавающая вдоль песчаного берега моря. Он все думал о том, где он допустил ошибку. Где оплошал? Но так и не нашел ответа на свои вопросы. Любуясь моей фотографи— ей, вырванной из газеты, Савашь вспоминал все наши счастли— вые моменты: как я впервые села на его лошадь по кличке Каракыз, как смогла за час научиться держаться в седле лучше, чем он. Он вспоминал день нашего первого свидания. Савашь пригласил меня на чай в кафе. Я была очень грустной, сидела напротив него и рассматривала журналы 0 лошадях, которые он принес. Я смотрела на картинки и сказала:

– Лошади очень красивые животные.

– А ты хочешь покататься на них? – спросил Савашь.

Я сначала обрадовалась, а потом промолвила:

– Я бы с удовольствием! Но, к сожалению, я не умею ездитъ верхом. Просто папа запрещал мне садиться на лошадь. Он счи—

тает, что женщине это не нужно.

– Тогда поехали учиться? – воскликнул Савашь.

Я невероятно обрадовалась и промолвила:

– С превеликим удовольствием.

Когда мы прибыли на конеферму, нам показали лошадей. Я завороженно смотрела на одну, белую, словно снег. Ее грива блистала, как фольга на солнце, от белизны шерсти слепли глаза. Савашь заметил, что мне понравилась эта лошадь. Он взял меня за руку и сказал:

– Ну что, пойдем?

Савашь подвел меня именно к Каракыз, потом взял лошадь за уздечку и сказал:

– Я вижу, эта лошадь тебе понравилась?

– Да, очень, очень! Она такая потрясающая!

– Эту лошадь зовут Каракыз. Она очень импульсивная, но если ей понравится человек, то тогда она за него даже жизнь отдаст.

Савашь до сих пор помнит, как я села на нее.

Когда мужчина посмотрел на часы, то до Нового года оста— валось всего пятнадцать минут. Он оделся и вышел на улицу. Блуждая среди этой веселой толпы, Савашь заметил Асу. С ней он был знаком, но девушка вряд ли об этом помнила. Закадыч— ные подруги устанавливали фейерверки на улице, готовились к встрече Нового года. Мужчина подошел к ним и заговорил с Асу:

– Асу? Неужели это ты?

Когда девушка обернулась, то увидела знакомое лицо.

– Кто вы? – спросила его Назан.

– Назан, подожди. Я сама у него узнаю. Простите, мы знако— мы?

– Кажется, ты меня не узнала? Ну ладно, я напомню тебе. Мы вместе летели в Рабат в одном самолете.

– 0, мой Аллах! Савашь, неужели это ты? – радостно вос— кликнула девушка. Взяв бокалы с шампанским, она вручила моему любимому один бокал и сказала: – Савашь, за встречу! Через три минуты Новый год. Ну что, загадывай желание!

Как только часы пробили двенадцать, Савашь закрыл глаза и прошептал про себя: «Чтобы все, кто причинил нам вред, поплатились за это сполна!»

1985 год. 26 января. Турция. Измир. Илдыр.

Белькиз родила маленького, беспомощного мальчика. Когда она посмотрела на него, то сразу же сказала:

– Каан, сыночек мой. Мой маленький принц.

Прижимая его к груди, девушка тяжело дышала и нежно ласкала по головке. Госпожа Сабиха печально смотрела на своего высокомерного мужа, господина Бора. В тот день по ее морщини— стым щекам текли горькие слезы. Мужчина все время ходил по гостиной в гневе, потом взглянул на жену и промолвил:

– Сабиха, ради Аллаха, не реви! Если этот ублюдок останет— ся в доме, то наш клан и семья будут уничтожены. Ты думаешь, мне не жаль этого младенца? Но нельзя! Понимаешь, нельзя!

Женщина лишь только увела глаза в сторону, сказала:

– Я знаю только одно: на чувства своей дочери тебе напле— вать, если ты оправдываешь свой поступок тем, что так надо! Тогда я могу сказать тебе только одно, Бора: даже животные не бросают своих детей. А ты отбираешь малыша у собственной дочери? Что это такое? Кто ты, Бора?

– Довольно! – озлобленно прокричал мужчина и после добавил: – Хватит, Сабиха! Хватит! Эта мерзавка, которую ты называешь дочерью, принесла в подоле позор на наши головы! Она нас измазала грязью! Все, на этом наш разговор окончен! С меня довольно!

Мужчина в ярости помчался к дочери в спальню. Словно обезумевший тигр, кидался он на всех подряд. Несчастная Саби— ха испугалась, что он сделает что—то плохое внуку, и побежала вслед за ним. Когда Белькиз увидела отца, то заулыбалась и сказала то, о чем потом горько пожалела:

– Папочка, это твой внук, Каан. Посмотри на него.

Господин Бора сковал свои чувства, глядя на ребенка. Потом,

скрепя сердце, прокричал:

– Энисе!

Домработница Энисе вбежала в спальню вслед за госпожой Сабихой. Она промолвила:

– Слушаю, господин.

Мужчина сказал:

– Энисе, забери у госпожи Белькиз ребенка.– Протягивая девушке листок бумаги, он добавил: – Вот, по этому адресу отнесешь его и отдашь.

Услышав эти слова отца, девушка зарыдала и, прижимая к себе младенца, закричала, как раненая голубка:

– Что? Пап, нет, я ни за что не отдам Каана! Это мой сын!

Тогда казалось, что из земли вырывают дерево, а его корни еще глубоко удерживают его там. Они пытаются удерживать его там из последних сил, хватаются за рыхлую почву.

Как только Энисе подошла к девушке, чтобы забрать малы— ша, госпожа Сабиха прокричала:

– Энисе, не смей трогать ребенка! Не смей!

Увидев, что женщина воспротивилась его приказу, господин Бора ударил жену и прогрохотал, словно раскат грома:

– Убейте его! Убейте его!

– Что? – испуганно пробормотали женщины. Их потрясли слова господина. Его хладнокровное и ледяное сердце сковало всех находящихся там людей. После этих разрушительных фраз мужчина вышел из комнаты. Вскоре туда вошли двое охранни— ков. Один из мужчин подошел к госпоже Сабихе, а другой к девушке и жестоко схватил ее. Потом Энисе забрала ребенка. Белькиз рыдала, вырывалась из лап мужчины и кричала из последних сил:

– Нет, нет, нет! Прошу тебя, умоляю! Мой сын! Нет! Нет! — Она все хваталась за пеленку, в которую был завернут ее ребе— нок. Девушка громко плакала и кричала. Госпожа Сабиха тоже обливалась слезами, билась и кричала, разрывая себе горло:

– Отпусти меня, ничтожество! У тебя что, совсем нет сердца?

Отпустите! Мой внук! Нет! Нет, нет, нет! Куда ты его уносишь? Отпусти меня!

Охранник стоял и чуть не плакал, но все же не переставал держать женщину. Он не выдержал и сказал, смотря в ее несча— стные глаза:

– Простите, госпожа, но если я вас отпущу, то меня убьют. Я не могу ослушаться господина. Хотел бы, да не могу, про— стите.

– Плевать я хотела на твои извинения! Да покарает тебя Аллах! Чтобы вы все сдохли, вы хуже собак! Вы поплатитесь за мучения моей дочери! Поплатитесь!

Сабиха смотрела на мучения своей дочери, как та, уставшая после родов, пытается вырваться, заливаясь слезами.

Пока все пытались успокоить женщин, Энисе отнесла ре— бенка по адресу, написанному на том листке. Она подошла к небольшому старому каменному дому и постучала в выкра— шенную в голубой цвет дверь. Младенец сильно плакал. Девуш— ка пыталась его успокоить, но у нее ничего не получалось. В эту пору стоял как никогда сильный мороз, он пронизывал до ко— стей. Боясь застудить младенца, Энисе еще сильнее постучала. Дверь отворила женщина. Ей было приблизительно тридцать лет, черноволосая, не очень красивая, державшаяся за бадик. Она усталым голосом спросила:

– Что тебе, милая?

Энисе взволнованно ответила, жалобно смотря на мальчика:

– Я от господина Бора. Он велел отдать его вам. Вы же госпожа Горкем?

– Да, это я. Как зовут младенца? – Эта загадочная женщина взяла на руки малыша и спросила: – Мальчик?

– Да, мальчик. Его мать хотела, чтобы его назвали Кааном,— ответила ей девушка. Горкем, улыбнувшись, взглянула на Энисе и сказала:

– Красивое имя. Да и малыш тоже симпатичный. Да будет доволен тобой Аллах!

– Аминь.

Первое время после того как у Белькиз забрали сына, она

все время слышала его плач, чувствовала его запах, ее наполняла невыносимая ненависть к отцу. Госпожа Сабиха стала сторониться своего мужа. Спустя какое—то время они вернулись в Ван. Белькиз вскоре выдали замуж за Охмета Устюна, потом она родила ему сыновей. Но после потери первого ребенка в ее душе появилась глубокая рана, после всего происшедшего она стала очень жестокой, не считалась ни с кем и лишь проливала кровь, несмотря ни на что.

2012 год. Турция. Измир. Илдыр.
Вот уже прошла целая неделя после Нового года. В особняке Ханджиоглу праздник так и не прекращался. Господин Салих

с женой Горкем и сыном Кааном продолжали веселиться. Каан стал уже совсем взрослым парнем, высоким, красивым, с карими глазами и черными коротко стриженными волосами. На правой скуле под глазом у него была небольшая родинка. Каан учился в США в магистратуре. К тому же он выучил три языка: французский, русский и английский. Любил выходить с друзьями в море, чтобы ловить рыбу. Занимался верховой ездой, игрой на гитаре. В общем, в Илдыре Каан Ханджиоглу был самым завидным женихом для всех незамужних девушек этого города.

Турция. Стамбул.

Я уже целую неделю избегала встречи с Вуралом. Да и он сам не горел желанием меня видеть. Сегодня я решила погулять немного по Стамбулу. Заодно сходить за покупками. Ведь я уже шла на поправку. Сегодня мне нужно было обязательно поговорить с Вуралом о том, что было между нами. Подходя к двери его комнаты, я занервничала, но все же решилась постучаться. Но мне никто так и не открыл дверь. Тогда я решила зайти сама в его спальню. Зайдя, я увидела совсем нетронутую постель, словно Вурала вообще здесь не было. Мне стало грустно, я подошла к двери, открыв ее, и неожиданно столкнулась с Вуралом. Мое сердце забилось очень сильно. Я словно потеряла дар речи от волнения, но потом промолвила:

– Извини, Вурал. Я тебя искала.

– Зачем? – грубо ответил он, пройдя в свою комнату.

Я так и осталась в дверях, сжимая свои руки от волнения. Но все же я осмелилась его спросить:

– Вурал, позволь мне сегодня выйти на улицу. Мне необходимо кое—что купить.

Его звучный от бешенства голос, казалось, заполнил всю комнату. В этот момент в особняке все замерли, страшась шева главы клана. Люди были раздавлены им. А он все кричал гром—че и громче:

– Никуда ты не пойдешь!

Мне стало очень обидно, я высказала ему все, что было у меня на душе:

– Ты хочешь сказать, что мне даже в магазин выйти нельзя? Ну уж нет, Вурал! Ты меня здесь не удержишь! Я выйду в город, хочешь ты этого или нет! Хватит с меня! Хватит!

Прокричав все это, я захлопнула его дверь и убежала в свою комнату переодеваться, чтобы выйти за покупками. Я не успела опомниться, как двойные массивные двери распахнулись с трес—ком ломающегося дерева и в моей спальне очутился Вурал. С такой силой он обозначил свое появление и вдобавок ко всему свое дурное расположение духа. Когда он увидел, как я надеваю белую рубашку в коричневую клетку, мужчина гру—бо схватил меня за руки и, не дав застегнуть пуговицы, вновь стал кричать на меня:

– Во—первых, как ты могла зайти ко мне в комнату, когда меня там не было! Во—вторых, ты никуда не пойдешь потому, что я так хочу! А в—третьих…

Перебив его, я с гордостью подняла голову и, смотря ему прямо в глаза, воскликнула:

– А мне плевать, что ты хочешь или не хочешь! Я тебе не рабыня, ясно? Если ты думаешь, что из—за той минутной слабо—сти я буду выполнять все твои желания, то ты глубоко ошиба—ешься! Ты воспользовался моментом, когда мои руки и ноги не слушались меня! Сделав свое дело или выполнив супружеский долг, ты почему—то решил сделать меня своей марионеткой!

– Дрянь! – этот подонок ударил меня по лицу со всей силы и добавил: – Запомни, сука, теперь ты будешь делать то, что я тебе скажу, лишь потому, что ты жена главы клана Устю—нов! Ты жена Вурала Устюна! Вурала Устюна! Жена, понима—ешь! Жена!

От его удара я упала на пол, держась рукой за лицо. На лицо упали мои черные густые волосы и скрыли разбитые губы и окровавленный рот. После всего, что он сделал, Вурал вышел, даже не обратив внимания на то, что обронил зажигал—ку и мобильник. Стоило ему выйти за порог моей комнаты,

как я услышала звук затвора замка. Вурал запер меня. В моей голове шло все кругом, в глазах двоилось, в ушах были слышны удары моего сердца. Подойдя к двери, я обнаружила, что она заперта. Как только я хотела в нее постучать, мобильный телефон Вурала стал сигналить. Мне стало интересно, что там пришло. Я понимала, что читать чужие сообщения неэтично, но, к сожалению, это был единственный шанс узнать Вурала поближе. Я подняла телефон с пола, и он вновь засигналил. Пришло еще одно сообщение от какой—то Асу. Я мешкала, но все же любопытство пересилило меня, и я осмелилась открыть все

три сообщения. Прочитав их, я оторопела. Там было написано: «Любимый, я не хотела тебя обижать. Но я не смогла. Пойми, Вурал, Назан могла не так понять нас», «Милый, не беспокойся, впереди у нас длинная и счастливая жизнь. У нас еще будет много таких ночей!», «Любимый, приезжай сегодня ночью ко мне. Прошу тебя, прости меня. Я сильно люблю тебя всем сердцем. Твоя Асу».

У меня в голове зародилась одна—единственная мысль: неужели Вурал переспал со мной только из жалости? Или просто не смог поехать к этой девушке? Не знаю, возможно, от ревности, я не вынесла и швырнула его мобильник о стену. Вонзив свои тонкие пальцы в волосы, я зарыдала от чувства обиды и ненависти к нему. Мое желание умереть становилось все сильнее. Я взяла зажигалку в руки и промолвила:

– Значит, сука? Ну уж нет, я лучше уничтожу семейство Устюнов, чем буду твоей марионеткой! Уничтожить клан, значит убить себя!

Я подошла к гипюровой занавеске вишневого цвета, зажгла огонек и поднесла его к краю шторы. Пламя стало пожирать ее. Потом огонь перекинулся на мебель, картины, одежду и другие предметы. В спальне прогрохотали хлопки, их было несколько. Как потом выяснилось, это взрывались в пламени пузырьки с духами. Горели мобильный телефон и компьютер с телевизором. На грохочущий шум из комнаты выскочила Фереде. Женщина увидела клубы черного дыма, которые выбивались из моей комнаты. Фереде в панике стала кричать:

– Пожар! Пожар! Комната Бихтер горит! Она нас всех уничтожить хочет!

Я смутно услышала крик Фереде, потом потеряла сознание.

Вскоре малютка Ясмин испуганно заплакала и прижалась к матери. На крик госпожи Фереде сбежались все. Вурал бежал по лестнице, он слышал треск и видел черный дым, вырывав—

шийся из—под двери моей комнаты. Быстро среагировав, он вы—ломал плечом дверь. Любопытная Фереде вместе с дочерью пытались тоже заглянуть в мою комнату, как будто ей была безразлична не только ее жизнь, но и жизнь ее дочери. Она смотрела в глаза смерти, которая быстро пожирала весь дом. Когда Вурал заметил ее с ребенком, то начал кричать:

– Невестка, уноси ребенка на улицу, сейчас же! Давай быст—рее, пока пламя не перекинулось в коридор и другие комнаты!

Напуганная девочка ужасно кашляла, надышавшись едким дымом. Глазки ее резало, а горячий воздух обжигал все ее тело. Женщина послушалась зятя и в ту же минуту отправилась вниз по винтовой лестнице. А Вурал увидел меня, лежащую без со—знания на полу, еще не охваченном пламенем. От гари и дыма он словно выплевал свои легкие наружу, глаза его ужасно сле—зились. Копоть и сажа оседали на его теле, словно ночные мо—тыльки, пытаясь облепить его сильнее. Мужчина из последних сил поднял меня на руки и вынес из комнаты на свежий воздух. Слуги пытались потушить пожар собственными силами. Вскоре на улице стали слышны звуки пожарных сирен и ско—рой помощи. Наконец—то обессиленный Вурал вынес меня на улицу, возле выхода его встретила бригада скорой помощи, ко—торая помогала другим пострадавшим. Я всего лишь надыша—лась угарным газом и получила небольшое отравление. Но Ву—рала ждал еще один удар. Доктор, который осматривал меня, обнаружил, что я беременна. Этой благой вести обрадовались почти все, кроме госпожи Фереде. Если честно, было не ясно, рад или расстроен Вурал. На тот момент он находился лишь в смя—тении. Одновременно парень думал сразу о двух девушках: об Асу и обо мне. Он думал о том, как ему быть дальше. В ту минуту, когда я открыла глаза, мне сообщили, что я беременна от этого мерзавца. Мои чувства к нему раздвоились. Даже мож—но сказать иначе: одновременно боролись два чувства – лю—бовь и ненависть. Я ненавидела его еще сильнее, как и любила, и от замешательства по моим щекам текли слезы. Я ждала, что он зайдет ко мне, но Вурал вообще уехал из больницы вновь к этой Асу.

Турция. Каппадокия. Ургуп.

Несчастная девушка два дня назад похоронила свою мать госпожу Нехал Уналмиш. Юная Бердже не могла понять посту—пок своей матери. Почему она не сказала ей, что ее отец Мехмет Сорал? Почему она не сообщила ему, что беременна? Зачем лишила ее отцовской любви? Перед девушкой стоял нелегкий выбор: остаться в Ургупе и дальше продолжать работать в мага—зине керамики либо уехать в Стамбул и наконец—то познако—миться с отцом. Она сидела в смятении и плакала, думала: стоит

ли ей продолжать свое жалкое существование, пытаясь зарабо— тать себе деньги на хлеб, либо испытать судьбу в Стамбуле — такой выбор стоял перед девушкой. Ее желание было одно: прижаться к груди отца.

Турция. Стамбул.

Тем временем Вурал приехал на набережную пролива. Хоть была ночь и ледяной холод, он смотрел на огни Босфорского моста, который соединял два полуострова. Его отражение блис— тало барашками, которые бегали по ночной воде Босфора. Вурал прослезился, а потом заулыбался, и вскоре его лицо опять по— мрачнело. Печальный, он снова сел в свой автомобиль и поехал к прекрасной Асу.

Вурал подъехал к ее дому, вылез из автомобиля и постучал в дверь, но никто не открывал. Пока он стучал, за ним все время наблюдал Савашь. В его руках было оружие. Он медленно на— правил дуло пистолета на Вурала и резко спустил курок. По— смотрев на него, промолвил:

– Сдохни, скотина!

И тут же скрылся. Вурал почувствовал, что в него вошло что— то горячее. Он упал на ледяной асфальт, ощутив боль в области поясницы.

Спустя пятнадцать минут Асу с Назан подъехали на такси к дому. Девушки вышли из машины и направились к квартире. Неожиданно они заметили лежащего перед дверью и истекаю— щего кровью человека. Подруги испугались, но тут Асу замети— ла, что он еще в сознании, подошла ближе и воскликнула от ужаса:

– О господи, Вурал! Мой Аллах! Неужели это сделал Явуз? Назан, вызови скорее скорую помощь и полицию! Обещаю тебе, любимый, я уничтожу Явуза за это! Потому что, кроме него, это некому сделать.

Тем временем Савашь, заранее узнав, где живет Явуз, просто подкинул пистолет к нему в дом, воспользовавшись тем, что дома никого не было. Стрелял он в перчатках из незарегистри— рованного пистолета.

Пока ехали скорая и полиция, Асу обнимала истекающего кровью Вурала. Он находился еще в сознании, смотрел на нее и со слезами промолвил:

– Прости… прости меня, прошу… прости.

– За что? За что ты просишь прощения? – спрашивала его девушка, лаская его щеки и вытирая с них слезы.

Он продолжал через силу:

– За то, что не сказал тебе всей правды…

После этих слов он потерял сознание. Асу сильно испугалась и стала кричать:

– Вурал! Вурал, открой глаза, прошу тебя! Вурал, милый, не бросай меня, Вурал! Вурал!

Девушка испачкала свои руки кровью любимого, и весь белый плащ ее покрылся кровавыми пятнами. Несчастная от испуга рыдала все сильнее и сильнее. Назан подбежала к ней, но она все так же стояла на коленях и держала любимого.

Вскоре приехала скорая, и врачи забрали Вурала в больницу. В ту же больницу, куда отвезли племянницу Вурала, Ясмин. Гос—пожа Фереде как раз выходила из палаты дочери и увидела Вурала всего в крови. Его везли куда—то по коридору. Фереде показалось странным, что около него была незнакомая девушка. Несчастная сильно плакала и истерически кричала:

– Вурал, не покидай меня, прошу! Нет, не уходи, умоляю! Нет! Нет! Не умирай!

Фереде в ужасе подбежала к нему и стала спрашивать у сес—тер:

– Что произошло? Что случилось с ним? Это мой зять, Вурал Устюн.

Один из медработников ответил женщине:

– У вашего родственника ошестрельное ранение. Извините, пока я вам ничего больше сказать не смогу о его состоянии.

– Что? Неужели вы мне не скажете, будет он жить или нет?

Женщина расспрашивала докторов и постоянно плакала. Ответа она не получила. Асу бежала за каталкой и громко ры—дала:

– Вурал, не оставляй меня! Вурал! Не оставляй меня, Вурал!

Вскоре перед ней захлопнулась дверь операционной. Девуш—

ка прикоснулась ладонями к ней и продолжала звать:

– Вурал! Вурал!

Подавленная горем Назан подошла к ней и обняла несчастную девушку.

Явуз вернулся к себе в съемный дом. Зайдя в гостиную, он увидел лежащий на столе пистолет и обойму. Мужчина с интересом взял его и спросил себя:

– Явуз, что это за чертовщина?

Вдруг постучали в дверь. Парень положил обойму на стол, а пистолет засунул за ремень брюк за спину. Он быстро подошел к двери и спросил:

– Кто там?

– Полиция! Откройте дверь!

Молодой человек испуганно открыл и увидел полицейских, позади них стояла машина с мигалками, собралась небольшая толпа народа, слышались разговоры.

– А что случилось? Кто знает? – спросила одна старушка.

Ей ответил мужчина:

– Я слышал, как один из полицейских сказал, что этот парень стрелял в самого Вурала Усттона, хозяина холдинга Усттонов!

– Да вы что?

Из толпы понеслись возгласы и крики. Одна пожилая женщина добавила:

– А с виду такой приличный молодой человек. Всегда здоровался со мной на улице. Не могу поверить, неужели он на такое способен?

Явуз настороженно смотрел на полицейских, а потом спросил их:

– Что случилось?

Один из жандармов громко и четко ответил ему:

– Вы арестованы за попытку убийства Вурала Устюна!

– Что? Простите, но это какое—то недоразумение, я ни в чем не виноват! – прокричал несчастный парень.

– Увести! – надев наручники на Явуза, капитан добавил: — Да, обыщите все здесь в доме.

– Так точно! – сказал младший по званию.

Парня обыскали и нашли у него пистолет, а на столе в гости— ной обойму. Жандармы положили пистолет в пакет и отдали экспертам. А безвинный Явуз кричал, когда его уводили в наруч— никах, как преступника:

– Я невиновен! Это все грязная ложь! Я знаю, что это показала на меня Асу!

– Ты утверждаешь, что к покушению не имеешь никакого отношения и что оружие, найденное при тебе, не твое? Тогда как ты объяснишь тот факт, что оно оказалось у тебя в брюках?

Явуз не знал, как ответить, он был загнан в угол. Ему лишь оставалось опустить глаза и подчиниться представителям влас— ти. Парень залез в полицейскую машину с одной мыслью: «Как

это могло со мной случиться? Кто мог подложить мне этот пистолет? Неужели это сделала Асу? Нет, это уж слишком, она не могла так жестоко поступить со мной. Не могла».

На истошные крики Асу сбежалась почти вся больница. Не— счастная Фереде тоже рыдала и не могла найти себе места, она все смотрела на убитую горем девушку и, наконец, решилась спросить у нее. Женщина подошла к ней и присела рядом:

– Простите, что беспокою вас. Это вы нашли нашего Ву— рала?

Асу вытерла слезы и промолвила:

– Да, я. Мы вместе с моей подругой Назан приехали домой. Как увидели, что кто—то лежит у нас на пороге дома, испуга— лись. Когда же я подошла ближе, то узнала Вурала. Я знала, что Явуз – подонок, но не думала, что он пал так низко. Кто он такой, чтобы мешать мне и лишать жизни моего любимого! Вурал обещал мне женитъся,– сквозь слезы говорила девушка.

В то время когда Асу все это говорила, я вышла из своей палаты и слышала все собственными ушами. Внутри меня слов— но все оборвалось, и образовалась пустота. Волна разочарования

и ненависти вдруг накрыла меня. Но и любовь тоже осталась во мне. Что переломило бы эти чувства? Я знала, выход есть… Уехать из страны. Возможно, это будет сложно сделать, но я понимала, что справлюсь с этим. Для начала я должна избавиться от этого ребенка. Но я не убийца, как они. Нет, я не сделаю этого. У ребенка тоже есть право на жизнь. Если это моя судьба, значит этот малыш увидит солнечный свет. Вдруг я услышала крики госпожи Белькиз. Она кричала словно безумная:

– Где мой сын? Нет! Нет! Нет! Прошу вас, не забирайте моего сына! Мой сын не умрет! Нет, Вурал!

Я подглядывала через щелку двери и видела, как госпожа Белькиз кричала и билась в истерике, но мне ее было совсем не жалко. Теперь и она почувствовала ту самую боль, боль утраты, которую перенесла я. Рана в моем сердце вновь кровоточила, рана, которая навряд ли когда—то заживет, рана, которую нанесла мне госпожа Белькиз. Смотря на них, я еще сильнее возненавидела и себя, и Вурала. Эта ненависть выталкивала любовь из переполненного бокала.

Но вот в больнице передали срочное объявление: «Внимание! Срочно требуется кровь первой группы с отрицательным резус—фактором. Если у вас кровь соответствует данной группе, просьба сдать ее в лаборатории».

Это объявление услышал и Савашь. Он пришел в больницу, где увидел рыдающую Асу и понял, что она любит Вурала. Савашь почувствовал свою вину. Между тем его кровь соответствовала группе, необходимой для переливания. Он направился в лабораторию для сдачи крови. После того как у него взяли образец на анализ, ему задали вопрос:

– Простите, вы родственник Вурала Усттона?

Савашь был потрясен и ответил:

– Нет. А что?

Тогда врач удивленно сказала:

– Странно. Но ваши анализы указывают на то, что вы его кровный родственник.

Парень взволнованно посмотрел на нее и сказал:

– Простите, я не хочу, чтобы Устюны знали имя донора. Хорошо?

– Хорошо, как скажете,– ответила девушка.

Савашь вышел из больницы весь потерянный и в смятении. Он всю дорогу задавал себе вопросы.

1985 год. 28 января. Турция. Измир. Илдыр.

День был морозным. Господин Фахри вместе с госпожой Хамиет приехали к госпоже Горкем. Женщина влачила нищенское существование со своим сыном Кааном. Мальчику было уже пять лет, ее муж был тяжело болен, и еще к тому же за двое суток до этого ей принесли младенца и сказали, что его зовут Каан, так же, как ее сына. Госпожа Горкем решила избавиться от младенца и получить за него хорошие деньги. Она продала мальчика семье Вана Всемогущим Ольтмаксам и благодаря полученной сумме смогла улучшить свое положение. При передаче младенца она сказала, что его зовут Савашь.

2012 год. Турция. Стамбул.

Слушая под дверью непрекращающийся плач госпожи Белькиз, я не выдержала и вышла к ним. Я увидела опечаленную и раздавленную горем Асу. Девушка склонила голову на плечо подруги и тихонько плакала. Мне стало ее жалко, и я поняла, что не смогу заставить человека отказаться от своей любви. Подойдя к окну, я прослезилась. Мне казалось тогда, что мои чувства – это минутная слабость.

Вскоре из операционной вышел доктор и сказал всем:

– Извините, но мне нужна госпожа Бихтер, жена господина Вурала!

Услышав это, Асу перестала плакать и посмотрела на доктора и на Назан. Девушка не могла поверить в то, что Вурал женат. В ее душе забурлил ураган чувств: разочарование и гнев. На просьбу доктора я подошла и сказала:

– Здравствуйте, господин доктор. Я жена господина Вурала Усттона. Что вы хотели?

Несчастная девушка опять взглянула на доктора и потом на меня. Она пристально сверлила меня глазами. Мне стало как—то не по себе. Казалось, что я разлучаю половинки любящих сердец. Ломаю их жизни.

Доктор заулыбался и ответил мне:

– Поздравляю вас, вашему мужу уже ничего не угрожает. Но сегодняшнюю ночь он останется в реанимации. Завтра мы переведем его в обычную палату.

– Спасибо вам, господин доктор,– ответила я, смотря на совсем помрачневшую девушку. Решив поддержать ее в такой тяжелой ситуации, я подошла к ней и промолвила:

– Здравствуйте, госпожа Асу.

Она удивленно на меня взглянула и сказала:

– Откуда вы меня знаете?

Присев рядом с ней, я взяла ее за руки и, глядя ей прямо в глаза, ответила:

– Не важно. Главное, что я не буду вставать между вами. Он мне не муж, а я ему даже не жена.

– Как это? – удивленно спросила меня Асу. Она даже прослезилась, опустив глаза. Потом снова посмотрела мне в глаза.

Я сказала:

– Мы просто расписаны, и все. Между нами ничего не было и не может быть. Я разведусь с ним в скором времени, и ты сможешь выйти за него замуж.

– Как я могу тебе верить? Как? – удивленно спросила меня Асу.

Я поднялась и сказала:

– Просто поверь. И все, что тебе нужно, ты получишь. А я обрету свободу!

После моих слов Асу осталась сидеть, бросая взгляды то на Назан, то на проходящих мимо людей. Девушка никак не могла понять, что могли означать мои слова.

Меня выписали из больницы домой. Вурала перевели из реанимации в обычную палату, он пошел на поправку. В особняке сделали ремонт после пожара, устроенного мною. Я все это время думала, как бы мне быстрее уехать из Стамбула. Куда—то очень далеко, далеко, чтобы никто и никогда меня не нашел. Я решила написать письмо Вуралу. Глядя на его детское фото, стоявшее в его спальне на столе, я поняла, что детство – самая лучшая пора для каждого человека. Пока ребенок маленький

и безвинный, трудно предсказать, как он изменится взрослея. Только родители его могут это предположить. Ведь они созда— ют в ребенке тот фундамент, на котором он сам будет строить свой личный дом. И в будущем человек сам становится в ответе за это здание, которое может рухнуть и засыпать его же самого обломками.

Госпожа Фереде вместе с госпожой Белькиз приехали в особняк. Узнав об этом, я незаметно вышла из дома, села в автомобиль Вурала и выехала из особняка. Я вспомнила о дяде Ремзй, мне в голову пришла прекрасная идея. Я мчалась в надежде на то, что дядя Ремзи сделает мне паспорт на другое имя, приобретет билет, и я уеду из этого проклятого города далеко.

После того как я обсудила все детали с дядей Ремзи, я поеха— ла в больницу на прием к доктору, чтобы узнать о своем ребен— ке. Я очень щепетильно относилась к своей беременности, пыта— лась не нервничать и соблюдать все предписания врача. Смотря на монитор, я видела маленькую точку, которая с каждой неде— лей увеличивалась. Я не знала, радоваться мне или нет. Асу пре— бывала в унынии, ведь человек, которого она полюбила, оказал— ся женатым. Один Аллах знает, почему он ей соврал, возможно, решил развлечься с ней. Асу и Назан даже подумывали вер— нуться назад, к себе на родину, в Ван.

А Савашь все эти дни пытался разобраться со своим про— шлым. Он узнал, что был усыновлен. Из архивных документов ему стало известно, что в 1985 году в Измире, неподалеку от Илдыра, 28 января в 21.00 был найден ребенок, мальчик, при— мерно трех—четырех дней от роду. Нашли его госпожа Хамиет и господин Фахри. И эта семья и усыновила младенца. После того как Савашь узнал это, он совсем запутался и решил узнать всю правду про свое прошлое до конца. Почему с ним так жестоко обошлись.

Турция. Каппадокия. Ургуп.

Печальная девушка сидела в зимнем морозном саду и смот— рела на колыхающиеся деревья. Она вспоминала моменты жиз— ни, когда была маленькой девочкой. Отца не было возле нее, была лишь мама. Мама, та самая и единственная. Несчастную Бердже мучили одни и те же вопросы: «Почему мама уехала из Стамбула? Зачем она лишила меня папы? Кто заставил ее уехать?» Она поднимала глаза в небо, и мысли у нее путались: «Да как? Да почему? Признает ли ее отец или нет? Захочет ли он иметь еще одну дочь?»

Помимо одиночества и пустоты в душе зрело желание уехать

из Ургупа, покинуть родные места и умчаться в неизвестный для нее мегаполис. Потеря матери сбивала девочку с ног. Это одиночество сдавливало ей сердце. Бердже тихо зашла в дом, вытирая слезы с глаз, натыкаясь на разные вещи в доме, она вспоминала самые счастливые моменты своей жизни. Вот уже совсем ветхое мамино кресло—качалка. Перед ее глазами вновь мелькнула знакомая картина, тот день, когда она пришла домой из магазина, в кресле сидела мама, как всегда укутавшись в старый серый плед в белую полоску с бахромой по краям. Бердже тихонько прошла в свою комнату. Она стала читать книгу и заснула, но когда ночью пошла за водой на кухню, то увидела маму, сидевшую за столом и сжимавшую фото ее отца в руках. Фото господина Мехмета Сорала.

Бердже часто перечитывала мамину предсмертную записку, в которой было написано: «Доченька. Мое тело уже почти не слушает меня. Из последних сил я пишу тебе мое письмо. Ка— жется, скоро моя душа покинет этот бренный мир. Возможно, мы даже не увидимся с тобой. Хочу сказать тебе, когда я испу— щу последний вздох, уезжай к своему отцу. Твой отец – глава огромного клана Мехмет Сорал. У тебя есть сестра Бихтер и три брата: Эрдоган, Эшлейф и Намык. Не оставайся одна в Ургупе, ты пропадешь, погибнешь от одиночества здесь. Поезжай в Стам— бул, найди сестру Бихтер. Она тебе поможет воссоединиться с семьей».

Прижав это письмо к груди, девочка тихонько присела воз— ле этого кресла и зарыдала, смотря на фотографии матери.

Турция. Измир. Илдыр.

Каан, как всегда, гулял по морозному городу, наслаждаясь ледяным воздухом. Парень смотрел на всех проходящих мимо него девушек, каждой из них он улыбался. Кто—то не обращал на него внимания, другие тоже улыбались ему в ответ, ведь он

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.